

О ЛЮБВИ ПРОСТЫМИ СЛОВАМИ

ДАРЬЯ **ВОЛКОВА**
НАТАЛЬЯ **ЛИТТЕРА**

Времена года

{ от авторов «Дульсинея и Тобольцев,
или 17 правил автостопа» }

О любви простыми словами

Дарья Волкова

Времена года

«У Никитских ворот»

2018

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

Волкова Д.

Времена года / Д. Волкова — «У Никитских ворот», 2018 — (О любви простыми словами)

ISBN 978-5-00095-569-7

Что может произойти, если вдруг случайно услышишь на улице скрипку? Возможно, поймешь, как пережить болезненную потерю. Осознаешь, с чего начать жизнь заново. Поверишь в чудо. Встретишь любовь. От тишины до музыки. От лета до весны. От Июля до Мая. Он. Она. Скрипка.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

ISBN 978-5-00095-569-7

© Волкова Д., 2018
© У Никитских ворот, 2018

Содержание

Прелюдия	6
Осень. Ноябрь	7
Зима. Декабрь	16
Зима. Январь	33
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дарья Волкова, Наталья Литтера

Времена года

Роман

© Волкова Д., Литтера Н., текст, 2018

© Литтера Н., иллюстрации, 2018

© Оформление ИПО «У Никитских ворот», 2018

*И лететь с закрытыми глазами,
И видеть твою красоту – я умею уже;
Гореть и, разлетаясь искрами,
Вдруг поймать высоту на одном этаже.*

Ж. Любич

Прелюдия

– Севчик, ты встрял!

– Я так не думаю.

– А ты вообще думать не умеешь – если взялся со мной спорить!

Высокий юноша с копной артистических кудрей столь же артистически поправил эту самую копну, приведя ее в еще больший беспорядок. И назидательно ответил своей собеседнице:

– Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь, Майя.

– Скоро ты будешь ломать голову, как выполнить мое желание, Севчик! – темноволосая девушка легко ткнула своего товарища в бок. – А тебе придется ни много ни мало добыть мне автограф Дэвида.

Тот, кого называли Севчиком, только закатил глаза.

– Скоро, Майя, после того, как проиграешь спор, это ТЫ будешь думать, как исполнить мое желание. А я еще не решил, что впаять за проигрыш. Подумываю обязать тебя до конца учебного года таскать за меня инструмент.

– Все, Сева, хватит сотрясать воздух, – девушка энергично хлопнула в ладони. – Через три дня, в Москва-Сити.

Они пожали друг другу руки в знак окончательного скрепления уговора. А потом Сева пошел в класс контрабаса, а Майя нажала на ручку двери класса скрипки.

Разговор этот состоялся в ноябре месяце какого-то года начала третьего тысячелетия в стенах Московской консерватории.

Осень. Ноябрь

Музыкальное сопровождение: А. Вивальди. «Времена года. Лето. Шторм»

Его дни расписаны по минутам. Все дни с понедельника по субботу. Иногда и воскресенье. Он был так воспитан. Он так привык. Хочешь остаться на плаву – держи ситуацию под контролем. А контролировать приходилось все больше и больше. Отец потихоньку отходил от дел – годы. В ближайшие месяцы Илье предстояло войти в состав совета директоров отцовской компании, где, конечно, рады такому событию будут не все. И войти хотелось не путем дарения акций отца сыну, а так, чтобы оба имели пакет, достаточный для членства в совете. Что означало покупку акций у третьих лиц. Сложная многоходовая сделка, которая была в самом разгаре. И все это на фоне затянувшегося экономического кризиса в стране и стагнации¹ в строительном бизнесе. Илья думал о том, что надо искать новые направления, которые дадут возможность устоять. Одно из них – строительство гостиничного комплекса в Сочи, которое вдруг замедлилось без всяких видимых причин. Но причины же были. Предстояло разобраться. Туризм в стране развивался, эксперты наблюдали его устойчивый рост в последние годы. Перспективный объект, но где-то случился затык. Придется лететь на место и докапываться до истины самому.

Но это через пару недель, а сегодня он ехал на встречу с другом. Деловую встречу.

Зазвонил телефон. Илья притормозил на светофоре и принял входящий.

– Я подъезжаю, – сказал он в трубку без предисловий. – Через пять минут буду в твоём офисе.

– Я позвонил предупредить, что задерживаюсь, – ответили на том конце, – переговоры затянулись. Все уже закончилось, выхожу из здания, но у себя буду не раньше чем через сорок минут.

– Понял, – Илья отключился и посмотрел на часы.

Возвращаться на работу не имело смысла, сидеть в офисе Лёни – тоже. Зато сразу за светофором поблескивала зазывным неоновым светом вывеска. Кофейня. Именно там Илья и решил подождать.

У Лёни валился бизнес. Был большой временной разрыв между платежами, которые должен, согласно обязательствам, выполнить он, и платежами, которые по контрактам должны поступить ему. Закрыть эту дырку трехмесячным кредитом представлялось невозможным из-за процентных ставок банков, которые в данной ситуации выглядели просто заоблачными. Илья знал, что Лёня будет просить денег.

В кофейне оказалось немногочисленно, тепло, уютно и вкусно пахло свежей выпечкой и молотым кофе. Он только лишь сел на мягкий диванчик, как сразу же появился официант в длинном, туго стянутом фартуке и с папкой меню в руках.

Илья читать меню не стал. Заказал двойной эспрессо и маленькую бутылку воды без газа.

В общем-то, эти сорок минут можно потратить с пользой. В файле, который он взял с собой из машины, был проект дополнительного соглашения на непредвиденные работы по объекту в Сочи. И при первом беглом просмотре текста ему многое не понравилось. Илья вынул из пластикового пакета бумаги и углубился в изучение документа. Впрочем, дальше первого листа дело не пошло. В кофейню вошли новые посетители, они шумно рассаживались прямо за

---

¹ Стагнация – состояние экономики, характеризующееся застоем производства и торговли на протяжении длительного периода времени.

спиной. Веселая и немного перевозбужденная компания. Илья недовольно поморщился, переворачивая страницу. «П. 3.1. Считать...»

– Все будут кофе? – поинтересовался мужской голос.

В ответ послышались слова согласия.

– Дуня, тебе что к кофе?

Илья замер. Не так часто в Москве встречается девушка с именем Дуня. Будучи коренным москвичом, он знал только одну и теперь вместе с мужчиной ждал ответа на вопрос.

Ждал, чтобы услышать голос.

– Мороженое, – ответили негромко приятным грудным тембром – не высоким, не низким и очень теплым.

Илья одеревенел. Это был ее голос. Это была она.

– Два черных, одно капучино и мороженое, – сделали заказ за спиной.

Кто этот мужчина? Кто он ей?

«У тебя кто-то есть?» – спросил Илья год назад, глядя Дуне в глаза, когда столкнулись случайно на улице.

Она тогда ответила: «Нет».

Но это было год назад. За год ведь многое может измениться, очень многое. Может уйти женщина, которая, казалось, не уйдет никогда, может разрушиться бизнес друга, а ты можешь войти в совет директоров очень крупной компании. И так и не начать новые отношения с новой девушкой. За год.

– До свадьбы осталась всего неделя, а у нас пока ничего не готово с музыкой, – в разговор за спиной включился третий голос. – Первый танец жениха и невесты будет?

Раздался дружный утвердительный ответ.

– Хорошо. У меня есть несколько вариантов музыки для первого танца. Послушайте и выберите, какой подходит вам.

Илья не сразу понял, о чем они говорят. Вернее, понял сразу, но поверить отказывался.

Еще, оказывается, за год можно выйти замуж. Ответ на вопрос, кто тот мужчина, был получен.

И словно не прошло всех этих месяцев разлуки. Стало так же больно. Как тогда. А ведь думалось, что все уже позади. Вошло в привычный ритм. И ведь не вспоминал. Почти. Месяц. А она выходит замуж.

За спиной молчали. К Илье подошел официант с подносом, на котором стояли стакан, бутылочка воды, чашка с кофе. Воспользовавшись тем, что парень был довольно высоким и расположился сбоку, словно прикрывая, Илья чуть повернул голову. Чтобы увидеть ее. И его – того, кто станет мужем.

Зря он это сделал. Нет, его никто не заметил. Они слушали музыку. Один наушник у него, другой у нее. Сидят близко, почти прижавшись, слегка пританцовывают прямо на стульях и улыбаются. Совершенно одинаково счастливо улыбаются. И такие свободные. Нет никакой напряженности, нервозности, которая в его мыслях всегда сопутствует свадьбе.

Илья увидел двух абсолютно счастливых людей. И быстро отвернулся. И вместо кофе сделал большой глоток воды. А с ним... с ним Дуня была вот такой? Чтобы только одного короткого взгляда на нее хватило понять: эта женщина счастлива.

Как удалился официант, Илья не заметил. Он медленно пил воду и старался ровно дышать.

– Хорошая музыка, но вообще-то мы уже выбрали мелодию для первого танца, – ее голос.

– Вот флешка, здесь трек, – а это уже его. – Именно такая обработка нам нужна. Мы под нее репетировали.

Они репетировали. Дуня выходит замуж. А чего он хотел? Все правильно. Она выходит замуж...

Позвонил телефон. Ее. Он узнал по мелодии звонка. Сколько раз этот звук раздавался в его квартире. Когда-то.

– Привет, – и он почти всегда по интонации Дуниного голоса мог определить, с кем разговор. – Да, мы как раз сейчас последние моменты утрясаем со свадьбой. Никаких гостиниц! Остановишься у нас! Все удобно!

У нас – это где? Илья смотрел в пустую чашку. Когда он успел выпить кофе? Не помнил. Только в горле горечь. Совсем не кофейная.

– Катерина, не бузи, – включился в разговор «жених». – Приезжайте к нам, это вопрос решенный. Главное, мужа не забудь с собой взять.

Катя... подруга Дуни, которую он, Илья, видел только на фотографиях и знал только по разговорам. А этот... этот с ней так легко разговаривает. Удар ощутимый.

Ошибка, Илья Юльевич. Когда-то вы совершили ошибку, на которую вам указали сейчас.

– Все поняла? – заканчивала за спиной разговор с подругой Дуня. – До встречи!.. Извините, – это уже, видимо, организатору свадьбы. – Танец у нас будет. Какие еще вопросы?

– Я бы хотел добавить еще один, если честно. Иван, вы не против провальсировать с другой дамой – мамой вашей невесты?

А его зовут Иван. Илья наконец вспомнил, где видел это лицо. Фотограф, который приходил в офис Дуни, и, кажется, он был еще на открытии ресторана Тихого, где Дуня вела дизайн-проект.

– У тебя кто-то есть?

– Нет.

Но это было год назад. А сейчас есть. И организатор интересуется, станцует ли тот, кто «есть», с мамой невесты?

– Легко. Мы даже летом в Пензе в городском саду пару раз вальсировали – как раз в виде репетиции.

Летом. В Пензе. Куда Дуня его звала, а Илья ни разу так и не съездил. Что там делать? А другой нашел – что.

Он больше не мог здесь находиться. Ни минуты. Ни секунды. Сколько стоит кофе и вода, Илья не знал, потому что не открывал меню. Ждать оплаты по пластиковой карте казалось невозможным. Поэтому просто оставить наличные с запасом и не ждать сдачи.

Уйти. Чтобы не слышать. Не видеть. Не возвращаться. У них разные жизни. У нее – свадьба. У него – вход в совет директоров и деньги для Лёни. Кстати, о Лёне. Уже сидя в машине, быстро нашел его номер в журнале звонков и нажал на вызов.

– Я почти подъехал, – быстро откликнулся друг.

– У меня не получается сегодня, – ответил Илья. – Извини. Надо срочно уехать. Давай завтра или послезавтра.

Он даст Лёне денег. Конечно, даст. Даже зная, что в подобной ситуации Лёня может и не протянуть ответную руку помощи. Этому Илью научила Дуня. «Делай что должно, и будь что будет», – говорила она.

Та, которая сидела сейчас за столиком в кофейне и готовилась к собственной свадьбе. Счастливая и свободная. И то, что за окном ноябрь, холод и промозглость, – ее не пугало. Илья плохо разбирался в свадьбах, но даже он понимал, что день должен быть теплым, солнечным, потому что жениха и невесту вывозят для красивых фотографий, есть какие-то традиции, обязательные места для посещения. А в ноябре только платье испачкать в лужах. Но ее это не беспокоило ни капли. Ее по-хозяйски обнимали за плечи и заказывали мороженое к кофе.

– Ты мне дашь деньги? – Лёня, нервный, расстроенный сорвавшейся встречей, перезвонил. И без предисловий задал главный вопрос.

– Дам, – ответил Илья. – Но я не знаю, сколько именно нужно тебе и сколько смогу вытянуть из оборота я.

– Спасибо, – слышалось после долгой паузы. – Ты единственный, кто согласился. Я буду тебе должен.

Илья отключил телефон и включил обогреватель. Он чувствовал холод. И не понимал, куда едет.

За прошедший год у него были женщины. Не две и не пять. Больше. И некоторые даже были бы не прочь остаться. Но против был он. Максимум три встречи, и все. Не то. Не так. И лучше б не пробовал. Откупался стандартно – ювелирным магазином. Все были разные: и светские львицы, и бизнес-леди, и просто хорошенькие мордашки. Но бриллианты брали одинаково, а потом с сожалением исчезали.

– Илюша, тебе пора жениться, – время от времени осторожно заводиła разговоры мама. – У одного из партнеров отца дочка вернулась из Англии, она там училась, очень воспитанная девочка...

Он уходил от этих разговоров.

Он думал о том, что где-то совершил ошибку с Дуней. Ведь ошибка была, несомненно. Как в сочинском объекте. Внешне все правильно и хорошо, но что-то он недоглядел. Лёня тогда, год назад, после бутылки виски на двоих говорил о том, что все они одинаковые и «твоя Дунька еще та стерва и горько обо всем пожалеет, я насквозь вижу таких вредных баб».

А вот не пожалела. Замуж выходит. И даже на ошибки указала. Они сегодня как подарки из мешка посыпались.

На улице совсем стемнело. Ноябрь. Холодный. Дожливый. Несвадебный месяц. И будущий Дунин муж легко болтает по телефону с ее подругой, уговаривая остановиться «у них», и был летом в Пензе, и что-то там репетировал с ее мамой. Они будут семьей, понял Илья совершенно четко, хорошей, крепкой и дружной семьей. С детьми, собаками, шумными друзьями, Пензой и шашлыками. И Дуня во всем этом счастлива. Илья видел ее глаза.

Ей именно это было надо? А он давал другое – красивый рафинированный дорогой мир – свой мир. Дуня брала. А ее Катю, Пензу и шашлыки Илья взамен не принимал. Думал, не нужно.

Вот в чем ошибка.

Резко затормозил у обочины. Острая боль в груди не давала дышать. Хорошо, что уже выехал за город и машин на дороге немного. Он неподвижно сидел, глядя, как методично и без остановки дворники стирают мелкие морозящие капли с лобового стекла. В салоне было удушающе жарко. Надо убавить печку.

Илья всегда находил ошибки, поэтому держался на поверхности даже в кризис. Жаль, что эту нашел слишком поздно.

Когда в груди отпустило, он снова тронулся в путь. Потихоньку. И лишь доехав до родительского дома, понял, куда брал курс. Мать была одна. Отец утром улетел в Петербург на два дня.

– Что-то у него не ладится, – рассказывала она, идя в столовую. – Ты голоден? Есть будешь?

– Нет, – ответил Илья, следуя за матерью.

Одна дома, никого не ждала. В платье. С укладкой. В кольцах. Безупречная, как английская королева. Верная подруга отца. Его тыл. Много лет.

Наверное, он отказался от ужина как-то не так. Во всяком случае, мама обернулась и внимательно посмотрела:

– Илюша, что-то случилось?

– А что могло случиться?

– Что-то с работой?

– С работой все хорошо, – он отвернулся и направился к бару. Вынул виски, плеснул в стакан с толстым дном, добавил льда. – Тебе налить?

– Нет, спасибо. Я выпила таблетки, давление что-то шалит, – она устроилась на небольшом диване в углу.

– Это, наверное, погода, – сказал Илья.

– Наверное.

Большая столовая с массивным овальным столом казалась пустынной. Она была шумной и жилой во время приемов гостей или когда в Москву приезжал дядя – брат отца и останавливался в доме. Но в этот промозглый ноябрьский вечер даже изысканная цветочная композиция в центре стола не спасала, не вдыхала жизнь в огромную комнату. Жизнь теплилась лишь в углу, на уютном бежевом диване, там, где сидела мама, перебирая рукой нитку жемчужных горошин на шее. Илья сделал глоток из стакана и почему-то сказал то, о чем совершенно не собирался говорить:

– Я видел Дуню.

– И как она? – осторожный вопрос.

Илья пожал плечами, сделал еще один глоток:

– Счастлива.

– А ты нет, – холеная рука с начавшими выступать возрастными венами отпустила бусы.

– А я один, – Илья с легким стуком поставил стакан на стол.

Стук отразился эхом от стен в этой большой столовой. Совершенно несвойственным ему жестом Илья запустил руку в волосы, но тут же отдернул ее и отошел к окну – чтобы не смотреть на мать.

Его очень долго учили не показывать свои слабости. Он научился.

– Я совсем один, мама. У меня есть компания, есть планы, сметы и знание, что будет через год и к чему я должен прийти через два. Есть Елена Дмитриевна, которая убирает квартиру и готовит ужины. Есть друг Лёня, которому я должен помочь, потому что он друг. Но я не знаю, поможет ли он когда-нибудь мне. И я не понимаю, для чего все это – планы, акции, рост прибыли. Нет, понимаю, конечно, как финансист и игрок на рынке. Но для чего? Для кого? Я же совершенно один.

– Ты повзрослел, – раздался тихий мягкий голос рядом, и материнская рука ласково коснулась макушки. – Ты совсем вырос и теперь знаешь цену всему.

– Она так высока?

– Да.

– Можно я переночую сегодня у тебя?

– Конечно.

Илья повернулся, и мать его обняла. Совсем как в детстве. Только теперь он был выше ростом.

* * *

Черное концертное платье мягко поблескивало люрексковой нитью. Майя еще какое-то время смотрела на него, а потом закрыла дверь шкафа. Смешно. Не в зале же играть, в самом деле. Уши бы не отморозить – как назло, сегодня похолодало. Поэтому шапку обязательно и митенки с собой взять – чтобы руки хотя бы немного в тепле были. Да и вообще, что надеть – дело десятое. Она с репертуаром не определилась – вот в чем загвоздка.

Зашелестели листы из нотной папки. Шостакович? Шнитке? Сен-Санс? Чем бы удивить людей в черном из Москва-Сити? Мимо чего они не пройдут точно?

Майя вздохнула и принялась запихивать ноты обратно в папку. Они пройдут мимо всего, что не имеет ценника. Но это не значит, что она не должна попытаться. Майя вспомнила цитату

Бродского, которую очень часто любил повторять отец: «Мир, вероятно, спасти уже не удастся, но отдельного человека – всегда можно». Вот и она пойдет спасать. Кого-нибудь. И свой выигрыш в споре.

А что же все-таки играть? Девушка перевела взгляд на стену. Помоги, а? Он улыбнулся ей с плаката своей чарующей улыбкой с шикарными идеальными ямочками на щеках. И Майя вдруг поняла – что именно надо играть. Быстро перетряхнула ноты. Есть нужные! Ну вот и славно. Она представила, как закатит глаза Севка. Скажет, что это слишком просто, а ты попробуй-ка зацепить слушателя Шнитке. Представила и злорадно усмехнулась. *A la guerre comme a la guerre*², товарищ Контрабас. Готовься к проигрышу, Севчик!

На пороге она обернулась. Пожелай мне удачи! Майя точно знала, что Дэвид³ ей подмигнул. Ну, подмигнул бы, если бы был настоящий, а не напечатанный на глянцевой бумаге.

* * *

– Илья Юльевич, вы просили информировать, когда мы получим технический паспорт на жилой комплекс, – послышался в трубке голос секретаря.

– Документы в порядке?

– В целом да, но есть некоторые спорные моменты...

– Я подъезжаю к офису. Все посмотрю сам.

* * *

Погода испортилась еще сильнее, поднялся колючий ветер. Но отступить было поздно и не в правилах. Нотная папка устроена в ногах, там же, рядом – раскрытый скрипичный футляр. Майя сняла верхние теплые варежки, поправила шапку, чуть сдвинув назад, чтобы полностью освободить левую щеку.

Обернулась на стоящего на приличном отдалении Севку – тот изобразил бурные аплодисменты.

К черту!

Привычно лег в руку смычок. Только бы пальцы к струнам не примерзли. С первыми же звуками, как по заказу, в воздухе закружились белые хлопья. Но девушка этого уже не видела. Она играла, прикрыв веки.

Что потом заставило ее резко открыть глаза прямо во время крещендо, Майя не знала.

Шел снег. В скрипичном футляре лежало несколько купюр – Майя не смогла разглядеть, каких именно. Потому что она во все глаза смотрела на человека, стоящего перед ней. На белые снежинки на идеально чистых черных туфлях, ткани темного пальто, волосах, не покрытых шапкой.

Мужчина был брюнетом. И у него были темные-темные глаза. Он стоял перед ней, засунув руки в карманы пальто, и не отрываясь смотрел. И слушал.

* * *

Трудно было представить себе что-то более несуразное, чем девочка, стоящая на улице перед высотным элитным бизнес-центром и играющая на скрипке романс «Не уходи, побудь со мною...».

---

² *A la guerre comme a la guerre* – на войне как на войне (*фр.*)

³ Дэвид Гарретт – скрипач-виртуоз.

Первая мысль: «Куда смотрит охрана? Завтра здесь появятся бомжи».

Вторая: «А играет неплохо».

Третья: «Почему она надела такую нелепую шапку?»

Головной убор на скрипачке мало того что походил на растрепанный валенок с ушами, так еще и сидел набекрень.

И все же он остановился. И дослушал романс до конца. Слишком необычно было происходящее, словно в четкую упорядоченную жизнь делового центра явилась посланница из другого мира и заледеневшими от холода пальцами, а Илья был уверен, что пальцы у нее почти потеряли чувствительность на таком ветру, упрямо высекала смычком музыку, совсем не подходящую ей самой.

Илье всегда казалось, что этот романс положено исполнять женщинам с грудным голосом и взглядом, полным «опыта». И уж никак не созданию в грубых ботинках и невразумительной шапке.

Какое-то время скрипачка играла с закрытыми глазами, а потом вдруг открыла их и уже не спускала с Ильи своего взгляда. И он подумал вдруг, что так смотрели, наверное, век назад студентки-революционерки, когда шли отстаивать свое правое дело.

Снег повалил крупными хлопьями, словно закрашивал серо-голубой бизнес-центр белым цветом. Стало совсем промозгло, а девушка все играла и опустила скрипку только тогда, когда произведение подошло к концу.

– Вам понравилось? – спросила она, все так же глядя в глаза, из чего Илья сделал вывод, что обращаются конкретно к нему, хотя рядом стояло еще несколько человек.

Тоже, наверное, удивленных подобным явлением.

– Да, – односложно ответил он.

Девушка указала смычком на раскрытый футляр у ног, где лежало несколько купюр и монет.

– Тогда не считите за труд – отблагодарите скрипача материально.

Голос оказался очень чистым, не утратившим звонкость юности.

«Пионерка и революционерка», – утвердился Илья в собственных выводах, оценивая оглядев «скрипача», а затем и футляр, где было очень негусто.

– Во сколько же скрипач оценивает свой труд?

– Сколько сможете. Но лучше... пять тысяч. Если не жалко.

– Однако... – Илья чуть сузил глаза и замолчал.

Легкое чувство разочарования удивило его самого. Пять тысяч – как-то... слишком меркантильно. Не секрет – в этом мире все хотят денег. И даже маленькие девочки озвучивают точные цены. Так устроена жизнь.

Тем не менее все равно очень жаль, что и это крошечное необычное явление у стен бизнес-центра свелось к такому банальному финалу. К пяти тысячам. Лучше бы она была революционеркой.

– Мне не жалко, – сказал Илья. – И я заплачу. Если вы докажете мне, что ваша игра стоит пяти тысяч.

– И как я должна доказывать? – у девушки были красные щеки, но это, скорее всего, от мороза. А по глазам читалось, что она не собирается сдаваться. – Какие вы принимаете аргументы?

Он пожал плечами:

– У меня есть пять тысяч. У вас – желание их получить.

Илья понимал, что устраивает ей испытание. А зачем и для чего – не знал сам. Было бы правильней просто уйти, потому что действительно пора, потому что дела, технический паспорт по жилому комплексу и какие-то проблемы с ним. Но он стоял на холодном ветру и ждал, что будет дальше.

Девушка смерила Илью взглядом, как показалось, презрительным, и запальчиво ответила:

– Не настолько. Музыка – не рынок. Хотите – слушайте так. Бесплатно.

«Все же бунтарка», – подумал он с какой-то внутренней радостью.

Скрипачка положила инструмент на плечо, но, прежде чем коснуться смычком струн, вдруг подняла голову и громко провозгласила:

– Антонио Вивальди. Времена года. Шторм. Исполняется для господина из первого ряда – в черном пальто, с пятью тысячами и без сердца.

Это был вызов.

Больше она на него не глядела. Музыка была такой же порывистой и сильной, как ветер. В какой-то момент показалось, что даже снежные хлопья стали кружить, повинаясь задаваемому девушкой ритму. Это был не шторм. Это начиналась самая настоящая ноябрьская метель. Резкая, злая, стремительная и обиженная.

Люди за спиной сменились. А он все еще стоял. И слушал. И чуть улыбнулся в самом конце, когда девушка в последний момент успела ухватить почти слетевшую с макушки шапку.

После этого Илья молча достал из внутреннего кармана пальто портмоне, раскрыл его, вынул купюру в пять тысяч и протянул скрипачке.

Она была еще слишком юна и не умела прятать эмоции. На лице отразилась нешуточная борьба между гордостью и желанием получить эти деньги.

И ему почему-то не захотелось знать, что победит: гордость или деньги. Поэтому просто опустил руку, и купюра приземлилась точно в раскрытый футляр. Благо ветер вдруг стих.

Илья лишил девушку права выбора и увидел в ее глазах облегчение.

– Спасибо! – голос скрипачки вдруг смягчился и стал взволнованно-искренним. – Вы у меня... первый. В смысле, это мой первый уличный гонорар. Автограф дадите? На правах первого?

И в этот момент она показалась Илье совсем маленькой. А он себе почему-то уже совсем-совсем зрелым.

Сунул портмоне на место. Вынул ручку. Писать было не на чем. Не на купюрах же. Потом вспомнил о визитнице. Недолго думая вынул одну из визиток, на обратной – чистой – стороне быстро сделал запись, и белый прямоугольник плотной бумаги опустился рядом с пяти тысячной банкнотой.

На девушку он больше не взглянул. Молча развернулся и ушел.

Его ждали дела – технический паспорт, две деловые встречи и новости фондового рынка.

* * *

Она протянула руку и на ощупь полезла в рюкзак. Все равно заснуть не получалось. Через полминуты розысков в ладонь лег кусок плотного, высококачественного, слегка рифленого картона. В комнате было темно, но Майя и так легко могла себе представить все: шрифт, цвет букв, сами слова.

Илья. Юльевич.

Ему совсем не шло это имя. Илья – гласные и мягкие согласные. И отчество такое же. Какой обман. В этом человеке не было ни капли мягкости. Ни грамма. Ни на йоту.

Майя зажала между указательным и средним пальцем визитную карточку. На обороте которой четким, с резкими выбросами вверх и вниз, почерком было написано: «От господина без сердца».

Господин без сердца. Она произнесла шепотом, словно пробуя на вкус: «Илья. И-лья. Илья-Я. Юль-е-вич. И. Ю. Я. Лье». Нет, это имя ему совершенно не подходило.

Она так и заснула с куском рифленого картона в руке.

Зима. Декабрь

Музыкальное сопровождение: Цыганочка с выходом

Оклемавшийся после недельной простуды Севка вздумал объявить бунт.

– Что значит – сама подложила?!

– Майка, кто в здравом уме заплатит пять тысяч за это?

– Ты видел его! – она наставила укоризненный указательный с трудовыми мозолями от флажолетов⁴ на друга детства. – Он стоял там и слушал! И заплатил пять тысяч рублей!

– Мне было не видно! – упорствовал упрямый Контрабас. – Он загородил своей спиной!

– Мог бы подойти поближе!

– Да я что-то... это... – Сева неожиданно смутился. – Он был такой важный.

– Важный, да! Бизнесмен! Что ему пять тысяч рублей? Так что я выиграла! – девушка уперла руки в талию.

– Ты смухлевала.

Майя захлебнулась возмущением. И несколько секунд просто разглядывала это воплощение контрабасного упрямства.

– Ты... ты... ты – ослица, Всеволод!

– Почему – ослица? – опешил Сева. – А не осел?

– Потому что ослица – упрямее осла. А ты... ты именно ослица! Он дал мне пять тысяч!

– Нет, – непреклонно сложил руки на груди парень. – Не верю. Нужны доказательства.

Спор прекратил звонок. И во время следующего урока Майю осенило. Доказательства? Будут тебе доказательства, чертов Контрабас.

* * *

Илья дал Лёне денег. Официально. Перевел на счет, подписал договор ссуды. Правда, проценты обозначил чисто символические – одна десятая. Лёня после этого напился за их пятничным обедом. Ужины стали большой редкостью. После того, как дела друга пошатнулись, его верная жена подала на развод, получила маленькую фирму, ежемесячное содержание и сделала ручкой.

– Все они суки, – резюмировал Лёня, узнав, что его бывшая отдыхает на Мальдивах с каким-то нефтяником, а потом возвратился к теме денег.

– Отдам до копейки, – обещал он. – Вот сейчас дыру закрою, оклемаюсь и отдам.

Илья согласно кивал головой, а сам думал о том, что Дуня, должно быть, уже вышла замуж. И, может, даже улетела в свадебное путешествие. Или не улетела. Наверное, он все же плохо понимал, плохо чувствовал ее, если отношения закончились ее уходом.

– Я вызову тебе такси, – сказал вслух, глядя на друга, – садиться за руль в таком состоянии нельзя. А служба доставки пригонит твою машину прямо к дому.

Лёня согласно кивнул.

– Илья Юльевич, – это уже позвонила секретарь. – Билеты на Сочи подтвердили, гостиницу я забронировала.

– Хорошо. В офисе буду через час. Подготовьте документы на подпись. И приказ о временном исполнении обязанностей на период моего отсутствия.

---

⁴ Флажолет – приём игры на струнных смычковых и щипковых инструментах.

* * *

По дороге Сева начал ныть. Что они не успели пообедать, что он хочет есть, что это гнилая затея. Но нытье носило больше ритуальный характер – он уже точно знал: будет так, как решила Майя. А она решила добыть доказательства.

Препятствия начались сразу на входе. От них потребовали паспорта, и – это счастье – документы имелись с собой и у нее, и у Севы. Потом внесли данные в компьютер и выдали какие-то дурацкие жетоны. И это было только начало.

На нужном этаже обнаружилось помещение – стерильное, как операционная. По крайней мере, в воображении Майи операционные выглядели похоже. Только вместо хирургического стола был стол компьютерный. И женщина за ним – похожая на всех педагогов в ССМШ⁵ и консерватории разом. Она оторвалась от экрана монитора, смерила их с Севой ничего не выражающим взглядом и произнесла совершенно бесцветным голосом:

– Добрый день. Чем могу помочь?

Она могла бы помочь, да. Но явно не собиралась это делать.

– Здравствуйте, мы к Илье Юльевичу.

Взгляд поверх очков был истинно педагогическим.

– Илья Юльевич на совещании.

– А долго он будет... совещаться? – на педагогические взгляды у двух четверокурсников Московской консерватории уже выработался иммунитет. У одной студентки – точно.

– Это знает только Илья Юльевич, – последовал невозмутимый ответ.

– Ну, хорошо, что хоть он знает. Мы подождем, – Майя плюхнулась в объятия роскошного кожаного дивана и расстегнула пальто. Жарко, и в ногах правды нет. Тем более что в метро ехали стоя. Севка пока не торопился присоединиться к ней – с круглыми глазами топтался рядом.

– Простите, а вы кто? – строгая тетенька-секретарь в стильных очках не думала сдавать позиции. – И по какому вопросу? У Ильи Юльевича сегодня приема нет.

У него еще и приемы бывают, надо же. Интересно, среди приемов арпеджио⁶ есть? А вслух Майя беззаботно ответила:

– Мы студенты Московской консерватории. Я – скрипка, – тут она подняла футляр – а вдруг не заметили. – Это, – ткнула футляром же в Севку, – контрабас. Он сегодня, к сожалению, без инструмента. Илья Юльевич собирается делать именную стипендию у нас в консерватории, меня из деканата прислали. Он мне визитку дал.

Тут очень кстати пришелся автограф Ильи Юльевича – впрочем, визитную карточку Майя продемонстрировала лицевой стороной. Однако на даму за столом это не произвело никакого эффекта. Она поправила очки и тем же скучным ровным голосом произнесла:

– То есть отправили именно вас, а не сотрудника консерватории, ответственного за стипендии? Из деканата предварительного звонка не было.

Этот обмен никому не нужными фразами уже начал утомлять Майю. И стало совсем жарко. Она сдернула шапку, кинула на колени Севке, который все же решил присесть на краешек дивана. И продолжила врать, но без особого вдохновения:

– Да, так получилось. Я очень ответственная, вы не подумайте. И с Ильей Юльевичем мы уже встречались. Он остался под большим впечатлением.

---

⁵ Средняя специальная музыкальная школа.

⁶ Арпеджио – исполнительский прием при игре на фортепиано, а также на некоторых других клавишных и струнных инструментах.

Ответный равнодушный, почти рыбий взгляд почему-то вдруг взбесил. И на ноги она встала легко. И скрипка оказалась в руке сама собой.

– Не верите? Сейчас докажу!

За спиной сдавленно охнул Контрабас – не басом, как положено, а пятой октавой. А потом все заглушили громкие и надрывные, если не сказать пронзительные звуки, которые подала скрипка.

Цыганочка. С выходом.

Выходи, Илья Юльевич. Выходи, подлый... А, не тот текст. Просто выходи.

Он не вышел. Вместо этого тоже пронзительно и совершенно немзыкально зазвонил телефон.

– Тут пришла студентка из консерватории, но уже уходит, – раздался безупречный голос секретаря, говорящей в снятую трубку. – Утверждает, что вы готовите именную стипендию, но я же знаю, что никакой стипендии нет, у нас не записано.

– Илья Юльевич! – Майя на пару секунд прекратила терзать скрипку и подала голос – громко, так, чтобы ее услышали на другом конце телефона, находящегося в секретарских руках. – Вы про пять тысяч за Вивальди помните?!

Женщина смерила Майю уже откровенно неприязненным взглядом, а та в ответ заиграла с удвоенным воодушевлением.

– Хорошо, Илья Юльевич, – голос секретарши звучал громче – она пыталась перекрыть цыганские наигрыши. – Балагана через секунду тут не будет.

Майя злорадно усмехнулась и поддала жару. Балаган только начинается, потому что исполнитель едва вошел во вкус.

– Прекратите немедленно срывать совещание, если не хотите, чтобы я вызвала охрану! – в голосе так отчетливо прозвучал металл, что девушка все-таки отпустила смычок.

– Вы не любите цыганскую музыку? Так сразу бы и сказали, – кажется, она и в самом деле слегка переборщила с громкостью, да и вообще – со всем. Обернулась. Севка на диване был белее снега.

– Ладно, мы посидим тихо.

– Нет, здесь вы сидеть не будете, – секретарь встала с места. – Илья Юльевич распорядился провести вас в переговорную. Собирайте свои вещи и идите за мной.

О, у них будут переговоры? Любопытно. Майя кивнула Севе и пропела:

– Чудненько. Мы идем. Илье Юльевичу, конечно, виднее.

Переговорная оказалась не слишком большой комнатой, все пространство которой занимал круговой стол и стулья. Помимо этого там еще находился только кулер для воды.

– Что вам предложить – чай, кофе? – к ним обратились так, будто они и в самом деле какие-то... в общем, по делу тут.

Майя и Всеволод переглянулись. И ответили хором, но вразнобой:

– Чай! Кофе! – а потом все-таки уже дружно, слаженно и примирительно: – Спасибо!

Когда спустя пять минут вместе с двумя чашками на стол поставили вазочку, Майя пискнула от восторга. Именно то, что ей сейчас просто жизненно необходимо, – конфеты!

От которых осталась лишь гора фантиков, когда дверь переговорной снова открылась. И на пороге показался собственной персоной... господин без сердца.

Он снова в темном – лишь рубашка белая. Темный, невозмутимый и равнодушный. И Майя вдруг поняла, кого он ей напоминает. Актера, который снимался в рекламе любимых духов от Шанель. Тех самых, что на прошлый Новый год ей подарила мама.

– Добрый день. Вы хотели меня видеть?

Он ее не узнал. Совершенно точно не узнал. Именно потому, что он взрослый человек, крутой бизнесмен и пять тысяч рублей для него – все равно что для нее пять копеек. Ничто. Пшик. Он забыл о ней, деньгах и музыке, как только отвернулся и сделал первый шаг.

Господи, какая она дура. Сегодня – особенно. Дура и ослица.

Когда встала, почему-то вытерла руки о джинсы на бедрах. Ладони были влажные.

– Добрый день, Илья... Юльевич. Не знаю, помните ли вы меня... Неделию назад мы с вами встречались. Я играла на скрипке, а вы дали мне пять тысяч.

– Я помню.

Ответ оглушил и выбил пол из-под ног. Помнит? Все-таки – помнит?! Только тихий Севкин вздох дал толчок быстро сообразить с ответом. И сосредоточиться на том, зачем она здесь.

– И меня, и то, что дали мне деньги?

– И вас, и то, что купил билет в первом ряду. И даже название кресла.

Наверное, где-то людей специально учат говорить таким образом – ровно и без намека на эмоции. Майю так не учили. Наоборот, ее учили давать эмоцию. А от осознания, что этот важный мужчина на самом деле помнит ВСЕ, – стало настолько тепло, что улыбка растянула губы сама собой. Как все складывается удачно. Он ее помнит. Она выиграла спор.

Майя повернулась к пытающемуся мимикрировать под стул Севке.

– Ну что, убедился?! Я выиграла!

Сева едва заметно и предобморочно кивнул. Глаза у него были почему-то как блюдца. Наверное, это стало причиной. Или что-то еще. Но уже через пару мгновений Майя трясла руку человеку в черном. Со словами:

– Спасибо вам огромное, вы меня очень выручили!

Он ладонь не отнимал. И не отвечал на пожатие. И смотрел куда-то поверх плеча Майи.

– Это все?

До нее не сразу дошло, что вопрос адресован не ей. Лишь по Севину бормотанию поняла, куда смотрел Илья Юльевич. И вдруг пришло острое осознание нелепости их появления здесь, в обители бумаг, сухих фраз, больших дел и выдержанных людей. Один из которых стоял перед ней и смотрел на них как на... шутов, клоунов, заезжих циркачей, волею случая попавших в царство хрома, стекла и пластика. Вопят что-то, руками машут, мешают работать, но... любопытно? Немножко отвлечься и снисходительно поглазеть.

Краска смущения была уже где-то на подходе. И, кажется, стало по-настоящему стыдно. Как в тот раз, когда на втором курсе вызывали к ректору. Жвачка на портрете Гольденвейзера⁷ – стыд-то какой. И снова ведь на спор. И когда научится себя сдерживать?! А потом вдруг всплыли в памяти лица родителей – когда Майя заявила, что ненавидит фортепиано. Она, дочь двух пианистов, не желает иметь ничего общего с этим проклятым инструментом?! Про скрипку сказала потом, конечно, но разочарование на лицах родителей помнила до сих пор.

Все это пронеслось перед глазами – отповедь ректора, портрет Гольденвейзера, растерянность отца и матери. И если ректору и родителям Майя потом доказала, что это был просто... просто... ну, что, в общем, не такой уж она и пропащий человек, то тому, кто сейчас стоял перед ней с невозмутимым и равнодушным видом, доказать уже ничего не получится. Они видятся во второй и последний раз в жизни. Поэтому... – Майя, ты идешь?

Оказывается, Сева уже стоял в дверях. Оказывается, она все еще держала за руку мужчину, находящегося рядом.

Майя резко разжала пальцы и отступила назад.

– Нет, иди один. Я останусь на кофе с конфетами.

Прозвучало это возмутительно нагло. Ну да что теперь? Все равно извиняться собралась. И не факт, кстати, что ее сейчас не выпнут за компанию с Севкой.

---

⁷ Александр Борисович Гольденвейзер – российский советский пианист, композитор, педагог, публицист, музыкальный критик, общественный деятель, ректор Московской консерватории в 1939–1942 гг.

А за Севкой закрылась дверь. Они остались вдвоем. И тишина еще с ними. Давящая и неловкая тишина. И его внимательный взгляд, под которым, кажется, все уменьшалось – как от зелья в сказке Кэрролла. Нет, молчать дальше невозможно.

– Если вам интересно, я вам объясню все это... – Майя скованно повела плечом, – представление. А вы мне расскажете про название кресла. – Он молчал. И это ужасно угнетало. Поэтому дальше она уже просто пошла ва-банк. – Только это лучше делать под кофе. А у вас в офисе такие вкусные конфеты.

Майя очень старалась не покраснеть под его пристальным взглядом. И очень обрадовалась скупому ответу:

– Я освобожусь через полчаса.

Это была пощечина. Нет, оплеуха. Подзатыльник. От взрослого, умного, зрелого – ей, вздорной малолетке. Первое желание – сбежать вслед за Севкой. Но приходит второе. Поднимается вверх подбородок.

– Отлично. Я пока партитуру к «Метели» освежу в памяти.

– Я прекрасно помню, что вы играли. Лучше распоряжусь насчет кофе, – ничего не выражающий взгляд на стол, на гору фантиков. – А конфет, я думаю, достаточно.

И уже почему-то не стыдно и не обидно.

У него ровная спина и широкие плечи под темным пиджаком. Чтобы придать себе толику уверенности, она задирает желтые ботинки на матово поблескивающий стол.

Когда проходит полчаса и снова открывается дверь комнаты, вошедший мужчина застаёт девушку действительно погруженной в изучение нот. И она едва не падает со стула, услышав звук открывшейся двери.

– Пойдемте.

А может, это не результат обучения, а природный дар – изъясняться исключительно односложными предложениями? Майя аккуратно спустила ноги на пол, подровняла нотные листы.

– Куда?

– Ну, вы же хотели мне что-то рассказать и объяснить.

– И для этого надо куда-то идти? – кажется, она заразилась его лаконичной манерой.

– Это – переговорная. Через пятнадцать минут сюда придет клиент, с которым будет работать группа людей. Комнату к этому моменту желательно подготовить, – взгляд на гору фантиков посередине стола был более чем красноречив. Теперь ее щелкнули по носу. Надоело!

– Ладно, – Майя вздохнула и потянулась за пальто и шапкой. – Как скажете. – А потом, после паузы, все-таки добавила, преодолев внутренний барьер: – Наверное, я должна извиниться. Но подожду до места назначения.

Ее благородство не оценили. Илья Юльевич просто развернулся, давая таким образом понять, что надо следовать за ним.

Оказались они в итоге в кафе на три этажа ниже. Заведение было под стать самому зданию – претенциозное и наверняка дорогое, но Майя предпочла даже не заглядывать в меню, чтобы не травмировать психику. А может, и следовало это сделать, потому что следующая фраза поставила в тупик.

– Что вы будете, Майя?

На этот вопрос, заданный тоном безукоризненно воспитанного человека, ей захотелось ответить что-нибудь про тушки летучих мышей или сушеных жаб. А на самом деле она бы не отказалась от тарелки борща и котлеты с гречкой. Но вместо этого инфантильно спросила:

– Конфет нельзя?

Разумеется, ей ответили, что нельзя. После чего тоном томным и загадочным Майя заявила, что хочет чизкейк. Он и был заказан.

Пауза в этот раз отсутствовала. И едва официант отошел от столика, бездушный робот в человеческом облики поддал голос:

– Я вас внимательно слушаю.

– Внимательно – это хорошо. Музыканты ценят внимательных слушателей, – язвить получалось плохо. Само место давило на Майю. Не говоря уж о персоне напротив. Ну и не стоит тогда продолжать мучения. Как говорится, раньше сядешь – раньше конечная. – Во-первых, извините.

– За что именно?

Ух, какой противный! Невероятно просто! Ошибок не прощает, руки не протягивает. Потому что они у него все время как будто в карманах пиджака, застегнутого на все пуговицы. И галстук завязан так туго, что удивительно – как он дышит. А и не дышит, наверное. Роботы не дышат. И с чего она решила, что он похож на актера из рекламы ее любимых духов?! Ничего общего.

– А вы любите ставить людей на место, да? У вас к этому явный талант.

– У меня много талантов, – он каким-то удивительно точным жестом поправил рукава пиджака. Вряд ли специально, но блеснуло золото часов и запонки. – Так за что именно вы извиняетесь?

Танк. Тяжелый непрошибаемый танк, который прет напролом, наплевав на чувства окружающих. Майя вздохнула и с видом пай-девочки произнесла:

– За то, что нарушила ваши планы и покой вашего офиса.

Вышло на удивление искренне. И даже Илья Юльевич изволил милостиво кивнуть.

– Хорошо, принято. Я слушаю дальше. Вы обещали что-то объяснить.

Похоже, он все делает по какому-то ему одному известному списку. И сейчас допрашивал Майю согласно этого списка. Она вдруг почувствовала, что очень устала. А ей еще к завтрашним занятиям готовиться... Надо заканчивать это аутодафе. Главное, покаяться поубедительнее.

– Собственно, речь шла о причинах моего безобразного поведения. Все дело в споре – мы поспорили с моим другом Всеволодом, что я смогу заработать пять тысяч игрой на скрипке в деловом сердце Москвы. И я выиграла! – отработанным жестом щелкнула пальцами... С вашей щедрой помощью, разумеется. А потом Сева усомнился в моих словах. И пришлось... искать свидетеля. Вот и все. Я думала, может быть, вам будет интересно, ради какой ИМЕННО глупости вам пришлось терпеть такие лишения.

Он молча смотрел. Под этим безмолвным взглядом на столе расставляли чашки, приборы, тарелку с чизкейком. А Майя вдруг очень четко поняла, что они с Севкой свернули сегодня не туда. Велосипедисты выехали на автобан. Въехали в тоннель. У Севы хватило ума развернуться и сбежать. А на Майю сейчас неотвратимо надвигался скоростной и одновременно тяжелый автомобиль. И выхода из тоннеля нет.

Она колупнула чизкейк. Он был вкусным, но совершенно не лез в горло. Майя слишком много сладкого сегодня съела. Сейчас бы котлетку с гречкой...

– И куда был потрачен выигрыш?

Она моргнула от неожиданности. Думала, список вопросов исчерпался. Но нет, а как же про деньги – и не спросить? Бизнесмен иначе не может.

– Мы спорили не на деньги, а на желание, – она заставила себя проглотить еще кусок и поняла, что больше не осилит. – А если вы про деньги, которые мне дали, – то никуда не потратила, лежат дома как трофей. Могу вернуть.

– Не надо. Они ваши. Вы честно их заработали, – бесстрастный взгляд переместился на едва тронутый десерт. – Торт невкусный?

– Appetit пропал, – Майя резко отодвинула от себя тарелку. – И со сладким сегодня перебор. Знаете, Илья Юльевич, я, пожалуй, пойду. У вас дела наверняка, мне еще сегодня тоже... – махнула рукой. – Неважно. Спасибо за кофе, конфеты, чизкейк и неоценимую помощь.

Майя не поняла, как у него в руках оказались его пальто и ее шапка. И почему они вышли вместе. Но спустя пять минут стояли на первом этаже, и Илья Юльевич спрашивал про жетон. Да кто бы знал, куда она его засунула?! Впрочем, нашелся. В кармане пальто. Вернула на стойку, после чего Майю вычеркнули из электронного журнала. Все, можно на воздух.

За стеклянными дверями офисного центра было темное поздневечернее небо, огни многочисленных фонарей и ярко освещенный и оттого светлый почти до белого асфальт. Декабрьский вечер вступил в свои права. Майя развернулась и откинула с лица заброшенную туда ветром прядь волос. Надо прощаться. И шапку забрать.

Шапку ей вернули. Прямо на голову. Аккуратно надели, мимолетно коснувшись твердыми прохладными пальцами скул. Он наклонил голову набок, разглядывая результат своих действий. Едва заметно кивнул – удовлетворенно.

– Вы очень смелая девушка, Майя. И ваша цыганочка была исполнена почти так же хорошо, как и Вивальди.

Смелая девушка несколько секунд стояла, приоткрыв рот. А потом тихо выдохнула: «До свидания» – и почти бегом бросилась в сторону метро, едва не обронив при этом скрипичный футляр.

* * *

Декабрь – всегда немного сумасшедший месяц. Конец года. Выполнение плана. Итоговые совещания. Илья не успевал. Четко распределяя фронт работ между заместителями, все равно – не успевал. Дни сменяли друг друга со скоростью света. Лечь поздно вечером, выключая прикроватный светильник, встать в шесть утра на звук будильника. Это были опознавательные флажки смены дня и ночи. Надо все успеть до Нового года. А выспится в Сочи. Илья был в этом уверен.

И все же выбрал один день, чтобы покинуть офис пораньше. Иногда дома работалось лучше, чем в кабинете бизнесцентра.

* * *

Гаденыш был сегодня в ударе. В самом настоящем гаденышевом ударе. Сначала он уткнулся в свой айфон, никак не реагируя на попытки Майи объяснить хоть что-то про доли. Потом, когда она попыталась надавить на его несуществующую сознательность, опрокинул стакан с соком на нотную тетрадь и на Майю. Крики-вопли, явление домработницы и маменьки. Когда-то во время всей этой суеты он успел разрезать ее нотную папку – но это Майя заметила гораздо позже. Тогда же, когда и испорченный рукав пальто. А в тот момент она сдалась, молча сделала домашнюю работу по сольфеджио за избалованного десятилетку и в который раз поклялась себе, что приходит сюда в последний раз, – нервов Майя здесь оставляет гораздо больше, чем получает денег.

Порезанный рукав она обнаружила уже за дверью. Выругалась сквозь зубы, но не звонить же обратно – что предъявишь? Родители мальчишки ни за что не поверят, что это их солнышко так порезвилось. Настроение упало на одно деление, пока Майя разглядывала неровный разрез на пальто. Малолетний отморозок, вот он кто. Нет, все, ни ногой больше сюда! Идея подработать на репетиторстве оказалась провальной. Или это ее фирменное Майское везение?

То, что от избалованного ребенка пострадала еще и нотная папка, Майя поняла только на улице. Когда вдруг почувствовала, что в руке очень легкая ноша. Причина стала ясна тут же – длинный и тоже неровный разрез. Через который уже успело выпасть все содержимое папки. Вот черт! Хорошо, что отошла недалеко от дома, где жил Гаденыш. Надо просто вернуться по своим следам.

Майя обернулась, чтобы увидеть, как в пяти метрах от нее на ее собственную нотную тетрадь паркуется большой черный автомобиль. Он и стал каплей – огромной темной каплей, вобравшей в себя все: усталость, обиду, облитую соком блузку, испорченное пальто, гадкую улыбку ребенка, уверенного в своей безнаказанности. Майя почувствовала себя героиней всех романов всех Бронте одновременно. И кинулась к машине.

Удары ладони по черному гладкому корпусу получались громкие. По крайней мере, владелец авто на них среагировал быстро. Дверь со стороны водителя распахнулась, и из автомобиля показалась высокая мужская фигура в темном пальто.

– Майя?!

Совершенно того не желая, она думала о нем каждый вечер с той встречи. Все десять дней. Все десять вечеров. Зажимала в руке уже порядком помятую визитную карточку – даже элитного качества картон не выдерживал такого обращения – и вспоминала. Широкие плечи в темном пиджаке. Внимательный взгляд. Едва уловимый горьковатый аромат парфюма. Твердые прохладные пальцы на ее скулах. «Я помню».

Помнила и она. И все примеривала к нему имя. Илья. И-лья. Иль-я. Не подходило никак. И это почему-то раздражало.

И теперь вот вам – пожалуйста. Словно материализовался из ее десяти ежевечерних мыслей.

– Это опять вы?!

– В общем-то, такой вопрос могу задать и я. Вы закончили со скрипкой и осваиваете ударные? – он указал взглядом на ее ладонь на крышке багажника.

Мало того что не давал покоя в мыслях десять вечеров, так еще и теперь... добил.

– Там мои ноты!!! – она со всей силы пнула автомобильную шину. – МОИ НОТЫ! А вы на них... колесом! Вы меня преследуете!

Она добилась того, что у него от удивления округлились глаза. Но тут Майе стало все равно. Она чувствовала себя и героиней всех самых жалостливых романов Диккенса заодно. Всеми обиженной и очень-очень несчастной. И очень-очень уставшей вдруг.

Села на бордюр, уткнувшись лицом в согнутые колени. И проговорила оттуда глухо:

– Отгоните машину.

В тот момент ей было совершенно все равно, слышит он или нет. Но хлопнула дверь. Негромко заурчал мотор, и послышался шорох шин. Майя подняла голову и увидела свои ноты. С четким рисунком автомобильного протектора.

Пока она оттирала тетрадь от автографа машины и убирала ее в рюкзак, Илья Юльевич вернул своего железного коня на место и вышел из автомобиля. Майя застегнула рюкзак и устала на пару мужских ног перед собой. О стрелки на брюках, наверное, можно порезаться. А в черных туфлях при удачном свете поймать свое отражение.

Ноги молчали. Точнее, молчал их обладатель, стоя неподвижно. Майя запрокинула голову, пытаясь разглядеть лицо. Вставать с бордюра категорически не хотелось.

– Дядя, дай папиросочку, у тебя штаны в полосочку.

Наверное, потому, что штаны были совсем не в полоску, а черные, дядя ничего не ответил, а продолжил смотреть на нее сверху вниз. У Майи затекла шея, и она опустила голову.

– Не куришь? Я тоже. А сейчас хочется. Ужасно просто хочется. День дурацкий, – а потом она все-таки вздохнула. И все-таки шмыгнула носом. – Ненавижу детей!

– Почему рукав порван? – донеслось сверху спокойное.

– Именно поэтому я ненавижу детей, – Майя попыталась стянуть края разреза. – Хорошее пальто, год назад купили.

– Ясно. Вставай.

Вставать она не собиралась. Ей вообще стало как-то уже совсем все равно. Накатило полнейшее равнодушие ко всему. Нехороший признак, но даже на это было все равно.

– Не хочу. Я устала и посижу тут. Помедитирую. Или порепетирую.

Майя попыталась откинуться на рюкзак и вытянуть ноги. Но ей не дали. Подняли вверх – спасибо, что не за шкурку, потрудились за локоть взять.

– Ты замерзнешь и заболеешь. Пошли.

У нее возникло парадоксальное чувство, что он сейчас поправит ей шапку. Вместо этого поправила сама. По крайней мере, попыталась.

– Меня не пустят никуда в таком виде.

Ответа не последовало. Снова за локоть – и вперед. Видимо, ей и в самом деле все равно, потому что пошла.

Равнодушие кончилось в лифте – под его взглядом. Тем самым, от которого все должно уменьшаться. Но Майя уменьшаться не собиралась. Она и идти с ним не собиралась. В гости не напрашивалась. Так что нечего тут на нее так смотреть! Да, у нее грязные ботинки, потому что по рассеянности вляпалась в лужу, рваное пальто, о которое она только что вытерла тетрадь, по которой проехался какой-то бездушный тип. И шапка наверняка набок. И очень хочется плакать. Или как-нибудь еще выпустить то, что накопилось внутри за сегодняшний день. За все десять дней до.

– В том месте, куда мы направляемся, у меня будет возможность уединиться и чинно порыдать?

– Мне казалось, что чинно вы не умеете, Майя, – послушался невозмутимый ответ.

Ну надо же. Чувствуется, перед ней большой знаток по части женских слез. И черта с два она скажет ему «Вы» после того, как десять вечеров примеряла так и эдак его имя.

– У меня много талантов, Илья. А Юльевича я потеряла где-то. Вместе с местоимением «Вы».

– Не получается чинно, можно не стараться.

Ей показалось, да, наверняка показалось – что при этих словах он слегка, самую чуточку улыбнулся. Но двери лифта разъехались. Показалось. Он не умеет улыбаться. Его идеально выбритые щеки просто не выдержат такой нагрузки.

За дверями лифта оказался просторный холл, а в нем – диван, столик, икебана. И всего две двери – но очень солидные. К одной из них шагнул Илья. Через пару секунд она распахнулась под его приглашающий жест. Майя задрала голову вверх.

– Надписи «Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate»⁸ нету вроде. Ладно, зайду.

То, что он хмыкнул, ей снова показалось, не иначе. Или знаем итальянский, Илья? Тогда браво.

Внутри оказалось так роскошно, что Майе срочно захотелось зажмуриться. Чтобы не разглядывать. Но зажмуриться не получилось – он протянул руку за пальто. Пришлось снимать и отдавать. И спросить – исключительно с целью встряхнуть себя.

– Мы где? Это замок Синей Бороды?

– По утрам у меня отрастает, да.

Ей определенно снова почудилась улыбка в его словах, но лицо было абсолютно серьезным, когда Илья забирал пальто. А она вдруг некстати поймала себя на том, что гадает, какие у Синей Бороды бывают по утрам, после сна, щеки. Скорее всего, не такие идеально гладкие, как сейчас.

Начало-о-о-о-с-ь... Визиты к этому товарищу ничем хорошим не заканчивались, если верить сказке.

– Сейчас я провожу тебя в ванную, ты отмоешься, приведешь себя в порядок. Я сделаю горячий чай. А потом решим, как отправить тебя домой.

---

⁸ «Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate» – «Оставь надежду, всяк сюда входящий» (итал.) Заключительная фраза текста над воротами ада в «Божественной комедии» Данте Алигьери.

Четкая инструкция была приведена в действие. Ее провели в ванную комнату – именно комнату, метров десять по площади, размером со спальню Майи в родительской трехкомнатной хрущевке, и оставили одну.

Все было белым и бежевым, блестящим, идеально чистым. Включая штук пять разнокалиберных полотенец. И какое из них можно взять? Майя выглянула за дверь. И поняла, что совершенно не представляет, куда идти. И что в квартире тишина. Абсолютная тишина и красота.

Дело даже не в роскоши обстановки – в гнезде гаденышей было тоже очень круто. А в том, что все находилось на своем месте. Удивительно просторно и гармонично. Эта квартира была живой. Красивой, роскошной, но живой. Она дарила ощущение комфорта – в отличие от хозяина. И ее хотелось рассмотреть. Когда еще Майе представится шанс походить по апартаментам класса люкс?

Спустя пять минут Майя вынуждена была констатировать удивительный факт: она заблудилась. Даже представить не могла, что в квартире в центре Москвы можно заблудиться. В этой, как оказалось, можно. Но не кричать же – «Ау!». Хотя бы хозяин голос подал, хотя бы какой-то звук выдал, где находится владелец. Но – тишина.

Майя наугад открыла дверь. Так, тут спальня. Правда, указывало на это только наличие огромной кровати. Остальное было стерильно – ни одежды, ни безделушек. Находиться в чужой, тем более мужской спальне казалось очень неприличным, но идей, куда двигать, по-прежнему не было. Справа еще одна дверь, ее Майя и толкнула. Ура, ванная! Но, увы, не та, в которую ее привели сначала, – другая. Темно-серый, почти черный кафель. Белые вставки в нем. Синие полотенца. И огромное зеркало напротив двери. Увидев свое отражение, Майя охнула. Пролитый сок засох безобразными пятнами на кремовой блузке. Теперь на месте цветочного рисунка красовались огромные пятна омерзительного желто-коричневого цвета – будто Майю тошнило. Ужас какой. Она принялась спешно стаскивать блузку. Простой белый бюстгальтер под ней тоже был уже не совсем белым. Нет, стирать здесь все это нельзя – что, она потом выйдет в мокром белье и блузке? Майя представила, как это будет выглядеть, и хмыкнула. Неканонический сюжет во всей красе: «Совращение Синей Бороды юной пастушкой». А потом коснулась кожи чуть выше груди и брезгливо поморщилась. Фу, еще и липкая! Нет, вот это надо срочно смыть. А потом все надеть снова, постирает уже дома. Бюстгальтер отправился на небольшой пufик у стены, в компанию к блузке и синему полотенцу.

Майя успела наклониться над серой гранитной раковиной и дотронуться до крана. Больше ничего не успела сделать – дверь ванной комнаты открылась. Она отдернула от крана руки, инстинктивно прикрылась ими и резко развернулась ко входу. В дверях стоял хозяин квартиры.

Он снял пиджак и галстук. И без этих атрибутов мужского гардероба, только лишь в черных брюках и белой рубашке, казался... Словно рыцарь, снявший тяжелые доспехи. И лицо... Майя не могла разгадать выражение, но его лицо тоже, кажется, сняло броню.

Он был без защиты. Так почему же она закрывается?

Она опустила руки.

Он не опустил взгляд.

А дальше...

Кажется, кто-то когда-то написал сценарий того, что должно было произойти в этот вечер в этой квартире. И Майя именно сейчас вспомнила, что знает этот сценарий. Потому что ощущение предопределенности происходящего не покидало ни на секунду. И поэтому она шагнула к нему. И не удивилась, что он шагнул тоже.

И ей было абсолютно точно предопределено прижаться голой грудью к хрусткой ткани накрахмаленной рубашки. И поднять лицо. И дать себя поцеловать. И понять, что раньше не

целовалась никогда – хотя считала иначе, и даже на третьем курсе, недавно... Это было последним, о чем она еще успела вспомнить, прежде чем перестала думать и вспоминать вообще.

Глаза закрылись сами собой. Майя всегда закрывала глаза, когда играла что-то важное. То, что происходило сейчас, было в сто раз важнее любого выступления. В те мгновения ей казалось, что происходит самое важное и главное в ее жизни. И поэтому сейчас просто необходимо было закрыть глаза. Чтобы не пропустить ничего из обрушившихся на нее ощущений – твердых губ и частого чужого дыхания, мужских рук на спине и гладких коротких волос на его затылке под собственными пальцами.

Майя открыла глаза – потом, когда ее подхватили на руки. Прощально мелькнули перед взглядом залитая соком блузка и бюстгальтер. Она еще успела увидеть, что простыни, на которые ее опустили, темно-шоколадного цвета. А потом Майя снова зажмурилась.

Она прекрасно понимала, что сейчас произойдет. Она... она хотела этого. Но не готова была увидеть. Как раздевают ее. Как раздевается он. Ей проще было смотреть руками. Робко по широким плечам. Смелее – по шее и затылку. Снова робко – по груди, на которой что-то слегка щекотало и кололо ладонь. И дальше не решиться.

Он был гораздо смелее. Он был смелым, как взрослый, опытный мужчина. И она позволила ему все. Потому что именно так и было написано в сценарии. Потому что так предопределено. Только глаза открывать было все равно немного стыдно. Особенно когда мужская рука мягко, но уверенно отвела в сторону колено. Одно. Другое.

Майя зажмурилась сильнее. Она знала, что сейчас произойдет. И что будет больно – более опытные подружки рассказывали. Поэтому задержала дыхание.

А боли почему-то почти не было. Скорее, дискомфорт – причем больше в растянутых бедрах, чем... между ними. Может быть, станет больно, когда он начнет двигаться? Только он не двигался. Только шее обжигало горячее дыхание. Только сердце оглушительно стучало где-то в горле. И Майя поняла, что именно сейчас должна открыть глаза.

Его лицо матово блестит. Еще полчаса назад идеально лежавшие волосы взъерошены – ею, что ли? И немой вопрос в широко раскрытых глазах.

Черт. Она должна была сказать. Предупредить. А теперь... кажется... поздно.

– Майя?... – ее имя содержало тот же вопрос, который читался во взгляде. Она знала, о чем он спрашивал.

– Все в порядке, – торопливо и вдруг сильнее сжимая пальцами его плечи. – Все нормально.

Молчание и неподвижность. Неужели... неужели в сценарии ошибка?! А потом его тихое-тихое:

– Мне остановиться?

– Нет! – и сил больше не осталось выносить его взгляд. Она зажмурилась и уткнулась лицом в пахнущую горьким ароматом шею. – Пожалуйста, нет. Не останавливайся.

* * *

Он широко открыл окно на лоджии. Холод не пугал. Хотелось воздуха. Просто воздуха. Дышать. И курить. Где-то там, за спиной, за закрытой дверью – спальня. А за спальней – ванная, где сейчас приводит себя в порядок девочка. Девочка! Твою мать...

Илья глубоко затаился. И ме-е-едленно выдохнул.

Студентка. Он дошел до студенток-девственниц. Спасибо, хоть совершеннолетняя. И что дальше? А дальше уже просто некуда.

Он вообще не понял, как все произошло. Он не собирался укладывать ее в кровать.

Кто-то явно поиздевался над девочкой, и надо было элементарно отмыть ботинки и пальто и вызвать для нее такси. Все! Что Илья и собирался сделать.

Но как Майя оказалась там? В его ванной. Обнаженная до пояса. И прямой приглашающий взгляд. А дальше – полное помутнение.

Как он не понял, как не почувствовал, что она никогда ни с кем? Там же можно было догадаться... Нет, целовалась она... в общем, нормально целовалась, но дальше... а дальше он не думал. Он вообще разучился думать про женщин за последний год. И заниматься любовью тоже.

Хороший секс, удовлетворяющий обе стороны, чтобы разойтись до следующего раза. Если следующий раз будет, конечно.

Все его женщины в последний год – взрослые, опытные и понимающие. Негласное соблюдение правил игры было необходимым условием. Умение играть вознаграждалось щедро.

Если бы Илья понял, что у Майи первый раз, он бы все сделал по-другому.

Если бы понял... то вообще ничего бы не было.

А он понял поздно, буквально через секунду после того, когда уже не исправить.

На улице шел мелкий снег. Какой-то совсем не декабрьский – мокрый, слякотный.

Илья вынул из пачки очередную сигарету.

Когда включился мозг и пришло осознание происходящего, он уже не терял контроль, двигался аккуратно и сделал прерванный. Позаботился, называется. И даже спросил тихо:

– У тебя все нормально?

А она не ответила. Вместо этого одарила его каким-то совершенно по-детски открытым взглядом и задала вопрос:

– Скажи, тебя часто называют Июлем?

– А должны? – Илья не смог скрыть удивления.

Он так и не откатился в сторону – нависал над ней на приподнятых руках и разглядывал. Мозг работал как компьютер: «Она в порядке? Ей очень больно? Не плачет?»

Она не плакала. Ее глаза были распахнуты, смотрели доверчиво прямо на него, и в них была чистота. Такая чистота, которую он давно не видел в людях... с тех пор, как Дуня ушла...

– И-лья ЮЛЬ-евич, – почти пропела Майя по слогам, словно выговаривая: «Что же тут непонятного, глупый ты человек», – а потом добавила обычным голосом: – Ты определенно Июль. Жаркое солнце в полдень.

Жаркое солнце в полдень... Разве такое можно, девочка, говорить незнакомым людям? Они же тебе не только пальто испортят, но и...

Илья наконец освободил девушку от себя. Сел на кровать спиной к Майе и потянулся к шкафу-купе.

– Я господин без сердца. А тебе, наверное, сейчас надо в душ. Я... не думал, что это случится. В любом случае, если что потребуется, – потер виски пальцами, соображая, – из аптечки, бинты, я не знаю... позови.

После чего натянул джинсы с футболкой и, не оборачиваясь, вышел.

Недокуренная сигарета полетела в пепельницу, а он взял новую.

В спальню Илья вернулся после пятой. Майя была уже там, одетая, с опухшими глазами. Он опустил взгляд на блузку в грязных разводах. Стало ясно, почему она стояла в ванной голая. Майе перепало гораздо больше от ребенка, чем подумалось в самом начале, а потом он сам... довершил этот день. Как последняя сволочь.

А она держалась, гордо задрав распухший от слез нос и сделав шаг по направлению к выходу:

– Поздно. Я хорошая девочка и к девяти должна быть дома.

Илья вспомнил о грязных ботинках хорошей девочки и испорченном пальто. Сказал:

– Я отвезу.

– Спасибо. Я знаю, как пользоваться метро.

– Тебя не пустят в таком виде.

– Ты давно не был в метро, Июль, – Майя все-таки оставила за ним это солнечное имя. Упрямая. – Там и не такое встречается.

Он смотрел на нее некоторое время, а потом кивнул и пошел в прихожую. Она последовала за ним. К тому времени, когда Майя обулась, надела пальто и взяла свой рюкзак, он был полностью готов.

Конечно, в метро Илья не спускался очень давно, но в том, что девочку остановит первый же встретившийся полицейский, сомневаться не приходилось. И довезти до дома – это самое малое, что он может сделать для нее... после всего.

Весь обратный путь от дверей квартиры до стоянки они проделали молча.

– Где ты живешь? – спросил Илья, открывая перед Майей дверь «мерседеса».

– Мы живём на Занзибаре, в Калахари и Сахаре, на горе Фернандо-По, где гуляет Гиппопо по широкой Лимпопо, – она очень старалась говорить бодро и беззаботно.

– Садись в машину, – тихо проговорил он.

– Черемушки.

Майя села, он закрыл за ней дверь.

По дороге в Черемушки они снова молчали. Каждый думал о своем. Или об одном и том же. Но разговаривать друг с другом было не о чем. Он следил за девушкой боковым зрением. Она сидела практически неподвижно, обнимая рюкзак, лежавший на коленях. Сама смотрела только вперед – на дорогу через лобовое стекло, и глаза ее казались огромными. Все еще детскими, но при этом чуточку женскими. Майя изо всех сил пыталась сохранить невозмутимость. Но у нее это плохо получалось. И все же она старалась. Маленькая революционерка.

Только уже когда машина подъехала к району, Майя тихо подала голос. Она стала направлять:

– Сейчас надо будет свернуть с дороги направо... обогнуть вот этот дом, там дальше двор... да, вот так... и следующий за ним...

Он четко следовал указаниям и заглушил мотор перед указанным подъездом типовой хрущевки. Повернул голову, чтобы посмотреть на девушку:

– Ты здесь живешь?

– Да. С родителями, – ответила она, пряча от него лицо.

Илья понимал, что надо что-то сейчас сказать, такое... хорошее. Да даже просто извиниться, хотя «прости» в такой ситуации прозвучит глупее некуда. Поэтому они оба опять молчали.

Пока наконец она не взялась за ручку двери, а он не произнес:

– Я не хотел тебя обидеть.

– И не обидел. За все заплачено, – это должно было прозвучать по-взрослому, а получилось звеняще, выдав боль.

Хлопнула дверь «мерседеса». Илья проводил Майю взглядом до подъезда, потом еще посидел, глядя на дом, а потом завел мотор.

Домой он вернулся в полночь, после того как бесцельно ездил по городу почти два часа, пытаясь привести в порядок голову и мысли.

Дома Илью встретила кружка нетронутого остывшего чая для Майи.

И он снова курил.

А через день улетел в Сочи.

* * *

– Майя, почему так поздно? – в прихожую вышла мать, вытирая руки полотенцем. Пахло вкусным домашним ужином.

Я сегодня стала женщиной, мама. Я теперь такая же, как ты. Ты это видишь? Замечаешь? Чувствуешь?

А вслух она сказала:

– У меня были занятия – репетиторские.

– Ах, да, я и забыла, – кивнула мать. А потом охнула: – Маечка, что с пальто?!

– Мам, я не пойду больше туда, – Майя стянула с плеч верхнюю одежду и со второй попытки пристроила на вешалку. – Там ребенок... совсем гадкий. Избалованный. Это он мне пальто испортил.

Мать всплеснула руками.

– Конечно, о чем речь, доченька! Нечего иметь дело с такими людьми! Ты голодная?

Уже нет. Меня чаем напоили. Таким, мама, чаем...

– Может быть, попозже. А где папа?

– У него же сегодня генеральный прогон. Раньше половины одиннадцатого дома не будет.

Генеральный прогон. Репетиция. Концерт. Правильные привычные слова. Папа – пианист в оркестре киностудии «Мосфильм». Мама – концертмейстер у весьма известного баса. Родной знакомый мир.

Только Майя уже не та. Сегодня все изменилось.

– Я подожду и поужинаю с папой.

Мама принялась что-то привычно ворчать про поздние ужины мужа и дочери, а Майя прошла в комнату. И первым делом разорвала в мелкие клочки визитную карточку. Только это не помогло. Потому что она все равно помнила все.

Но все последующие дни упорно пыталась забыть.

* * *

Курортный город готовился к предстоящей встрече Нового года, поэтому слова местных партнеров о бесперспективности проекта и срочной продаже недостроя не произвели на Илью Юльевича никакого впечатления. Он был уверен, что так удачно найденный покупатель – подставная фирма, через которую партнеры просто полностью возьмут гостиничный комплекс в свои руки.

Илья пообщался с персоналом в гостинице, где остановился, с таксистом, который вез от аэропорта, задавал нужные вопросы, изучил статистику по отечественному туризму и знал, что через две недели ожидается большой поток отдыхающих. Люди приедут встретить Новый год на берегу моря, покатаются на горных лыжах, посетят концерты, которые теперь в большом количестве проходят во время праздников именно здесь. Это деньги. Большие деньги. Летний сезон. Зимний сезон. И Илья не будет продавать свою долю. Более того, он добьется четкого разграничения помещений с закреплением за каждым из них права собственности. Уступив саму гостиницу партнерам, возьмет первый этаж с галереей магазинов и кафе. Для сдачи в аренду. Диверсификация бизнеса. Только и всего.

Переговоры были непростыми и напряженными. Илья дал понять, что знает глубину вопроса, цены и намекнул на прекращение финансирования в случае отказа от его условий. Также он дал понять, что способен нажать, где надо, чтобы местные филиалы банков отказали в кредитовании – связи для этого имеются. А комплекс надо было сдать уже к концу будущего года – как раз к следующему Рождеству, сроки поджимали, искать новых инвесторов времени не было.

Местные попытались. Он их прижал к стенке. Но договориться удалось так, что остались довольны обе стороны. А чтобы уж совсем задобрить столичного гостя и сгладить все недоразумения, краснодарские партнеры предложили Илье сауну, горные лыжи, ресторан и прекрасную женскую компанию. Одним словом – отдых. В горы он поехал. Покатался – душу отвел.

Там же был и ресторан. От остального отказался. С этим и в Москве без проблем, только потом тоска.

Время в самолете на обратном пути Илья провел за разработкой обязательных пунктов для предстоящего дополнительного соглашения.

Утром на следующий день вызвал к себе юридическую службу и провел совещание.

* * *

– Майя, ты будешь доедать? – Севка смотрел в ее тарелку.

– Нет, – она подвинула пальцем фаянсовый край.

– Спасибо! – Сева притянул к себе половину порции картошки с мясом и принялся энергично уничтожать.

– Сева, скажи мне, – Майя подперла щеку рукой, – я изменилась?

– Ты ешь мало, – товарищ детства почти добил и ее порцию.

– А в остальном?

– В нижнем смычке ленишься – не пойму, с чего?

– А в остальном? – с непонятным упорством.

– А в остальном Майя – как Майя! Пошли?

И он тоже не заметил. Никто не заметил. А она теперь женщина. И Майя старательно вытравливала память о том, благодаря кому это произошло.

Визитку – в ключья. Ту купюру, что он дал, – вручила Севке. Со словами, что передумала насчет автографа, все равно нереально, и что ее выигрыш-желание – это свидание Севы с Анькой. Аня – единственная, кого Майя могла назвать подругой, добрая и странная девочка из Смоленска. Странная – потому что вздыхала по Севке. По длинному и тощему Севке, который любил на свете три вещи: еду, контрабас и свою бабушку.

Севка перспективой свидания воодушевился – точнее, шансом вкусно поесть в кафе. А уж как была воодушевлена Аня – словами не передать.

* * *

– Илья Юльевич, – напомнила после совещания секретарь. – У вас сегодня встреча в Архитектуре.

Он кивнул головой и стал собираться. Водителя не взял. Вообще водителя Илья брал, только если работал по дороге, – для экономии времени. Но чаще водил машину сам – просто любил быть за рулем. Это помогало расслабляться.

По дороге в государственное учреждение он включил радио и перестроился в нужный ряд. А радио оказалось с классической пятиминуткой в конце каждого часа. И где-то там, в студии, диджей поставил Вивальди.

И все вернулось. Ноябрьская промозглость. Снег. Девочка-скрипачка с озябшими пальцами. И она же на его простынях.

«И-лья ЮЛЬ-евич».

Он сам не заметил, как сменил курс. Вместо того чтобы ехать в Управление архитектуры, свернул к консерватории. Зачем?! Он ведь даже не знает расписания. И не факт, что она там. Просто бесполезная трата времени. Но все же... убедиться, что в порядке. Руки-ноги целы.

Они были целы. Около консерватории собралась просто толпа учащихся. Наверное, пере-сменка. Утренние – уходят домой, послеобеденные – спешат на учебу. Но нелепую шапку он заметил сразу. Майя стояла в компании студенток. Таких же молоденьких, как и она сама.

Он смотрел, как она, размахивая футляром, что-то рассказывает. Эмоционально. Вспомнил цыганочку и против воли – улыбнулся. А потом откинулся головой на сиденье и закрыл глаза.

Чтобы через некоторое время открыть их вновь и найти все ту же шапку. На секунду оторвав взгляд от девушки, набрал номер секретаря:

– Светлана Егоровна, перенесите встречу в Архитектуре на вечер. Или, если не получится, на завтра.

* * *

Стоя недалеко от главного корпуса, Майя с Аней и еще несколькими девочками обсуждали все – наступающий Новый год и сессию, кто как готовится и кто и как будет справлять. И с кем. И что Влад с кафедры Штольца⁹ лучше всех на курсе целуется. И что Аня идет на свидание с долговязым Севкой с кафедры контрабаса.

Майя слушала вполуха. Влад целоваться не умеет – теперь она знала это совершенно точно. Ей убедительно показали, как надо. А Севка – да что бы они понимали! Он явно самый талантливый на их курсе. Вырастет – будет как Дэвид. Только с контрабасом. По крайней мере, может таким стать, если ему выпадет шанс.

Кто-то что-то сказал про сегодняшние занятия, и Майя вздрогнула. А она сегодня едва не опозорилась. Шел урок по специальности, и все было хорошо и правильно – отработка технических приемов, повторы, разборы ошибок. А она вдруг... вдруг... в музыке услышала его. Ритм его дыхания. Какое оно было тогда. Именно такое – по размеру. Шестнадцатая, восьмая и шестнадцатая. Так он дышал, когда... И его вдохи и выдохи – переливы ослепительного солнечного света в яркой лазури. Июль. Жаркое солнце в зените.

– Майя, вы почему не играете?

Почему? Почему?! Потому, блин!

Кто-то рассмеялся, и она рассмеялась в ответ. И принялась рассказывать про последние гастроли мамы и ее баса. Рассказы Майи всегда слушались с интересом – потому что она была из семьи профессиональных музыкантов и деятельность ее родителей – пример того, что ждет их всех. Ну, может быть, кроме уникама Севки, который будет собирать многотысячные стадионы. Если не про... жрет свой талант.

Майя вдруг поняла, что не владеет вниманием аудитории. Что смотрят куда-то ей за спину. И Аня восхищенно и с некоторой завистью говорит:

– Наверное, это за Чеплыг.

Чеплыг – фамилия девушки с кафедры арфы. Она – уроженка Алдана, в ней причудливым образом сплелись якутские и русские корни. Девушка была невероятно яркой и пользовалась огромным успехом у противоположного пола. В том числе у мужчин гораздо старше себя.

Майя обернулась, чтобы посмотреть, кто там приехал за арфисткой-якутянкой. И замерла. У бордюра стоял черный автомобиль марки «мерседес». Ей со своего места не был виден номер, и она отступила на шаг.

Тот самый.

Она помнила все. Адрес дома и адрес офиса. Номер машины. Номер телефона – на память. А вчера обнаружила себя в метро на чужой ветке. Она знала, на какой выйдет станции. И что там будет.

Она просто стоит в сторонке, где-нибудь на парковке. Чтобы просто увидеть знакомый высокий силуэт в темном пальто, выходящий из стеклянных дверей. Увидеть. Просто увидеть. И ей этого хватит.

---

⁹ В Московской консерватории несколько кафедр по классу скрипки. Фамилия завкафедрой – вымысел авторов.

Майя развернула себя на половине пути к турникетам. И вернула на перрон. Глупости это все. Глупости. И небывальщина.

А теперь эта небывальщина обнаружилась напротив входа в ее альма-матер.

– Это за мной, – выговорили помимо воли губы. Чтобы убедить в первую очередь себя.

Она шла, чувствуя спиной любопытные взгляды и от этого излишне сильно размахивая футляром. Или – чтобы не упасть. Сердце билось тем самым ритмом – шестнадцатая, восьмая и шестнадцатая. А вдруг она ошиблась номером? А вдруг там – не он?

Он. За рулем – он. Майя знала, что сейчас на нее смотрят все ее недавние слушательницы.

Стук по стеклу – шестнадцатая, восьмая и шестнадцатая.

– Шеф, сколько до Черемушек?

Медленно опустилось стекло. Взгляд бывает медленным? Оказалось, бывает. Под ним сползло с Майи все – обида, злость, желание выпендриться. И осталось только самое настоящее и важное.

– Здравствуй, Июль.

– Здравствуй, Май.

Зима. Январь

Музыкальное сопровождение: И. – С. Бах. «Воздух». Вторая часть 3-й оркестровой сюиты

– Майя, дочка, папа уже шампанское открыл, беги скорее к столу!

– Бегу, мамочка.

Она последний раз взглянула на экран телефона. На два последних сообщения.

Май [23:25] Новогодний концерт для господина из первого ряда состоится вечером второго января. Тогда же будут вручены новогодние подарки.

р. с. С Новым годом, Июль. Я понимаю, что зима – не твое время года. Но все равно – желаю счастья. И тепла.

Июль [23:32] С Новым годом, Май. Господин из первого ряда постарается не опоздать на концерт и обязательно позвонит, чтобы обсудить время начала мероприятия. Не забудь загадать желание. Это самое главное в новогоднюю ночь.

Ей не хотелось гасить экран. Ей до сих пор не верилось в это – что он ответил на поздравление, почти сразу, через несколько минут, за полчаса до Нового года, когда все заняты чем-то... важным. Рядом с близкими и дорогими людьми. А он ответил. Ответил.

– Майя!

– Бегу-бегу!

Она все-таки погасила экран телефона и толкнула дверь своей комнаты. Чтобы пойти встречать Новый год с родителями. Звенеть чешским хрусталем, морща нос, сделать пару глотков колючего шампанского. И загадать желание под бой курантов – так, как он сказал. Желание, ровно противоположное тому, которое она шептала себе под нос еще три дня назад, на негнущихся ногах выпадая из «мерседеса». Как началось ее знакомство с машиной Ильи с наезда на ноты, так и продолжалось... сложно. Вот и в тот день, когда увидела его около консерватории, ноги тоже чуть не подвели.

После приветствия они какое-то время молча смотрели друг на друга. Майя просто не могла поверить окончательно, что он здесь. Вот после всех этих дней, после того ДНЯ, после спины «господина без сердца» и захлеб слез пополам с водой в ванной комнате... той самой... в которой все так нечаянно и предопределенно началось. После миллиона удушьяющих в корне попыток ему позвонить и станций метро чужой ветки. После слышащегося ей в самых неожиданных мелодиях ритма его дыхания. После того, как она почти убедила себя, что все кончилось, едва начавшись. И утешаться можно лишь тем, что первый раз у нее случился с порядочным и опытным мужчиной. И будет что вспомнить потом, в конце концов. После собственного всхлипа на этой мысли. И вот после всего этого – он здесь и сейчас смотрит на нее. Смотрит и молчит...

Нет, Майя молчать не будет. Ей есть что сказать.

– Все-таки решил сделать стипендию имени себя любимого?

Оказывается, его гладко выбритые щеки вполне способны вынести нагрузку в виде улыбки. Майя замороженно смотрела, как приподнимаются уголки узких губ. Немного, но все же. И это улыбка. Самая настоящая. Искренняя.

– Пообедаешь со мной?

– Как в... – «прошлый раз с чаем?» не сказалось, хотя почти слетело с языка, который вдруг потерял связь с мозгом. Но голова в последний момент панически включилась. Включилась четким пониманием, что если Майя сейчас скажет про прошлый раз и чай, то черная машина тронется с места и уедет. А Майе останется только помахать ей вслед. И осознать, что больше она Илью никогда не увидит. А это... нет, это невозможно. Теперь – точно невозможно.

Она прокашлялась.

– Как... удачно. У меня как раз занятия закончились. И я очень голодная!

А потом он вышел из машины, чтобы помочь ей сесть. Будто сама не справится! Оказалось, что вот и не справится. Как только Июль оказался рядом... и, несмотря на заполненный выхлопными газами воздух мегаполиса, она остро ощутила забытую горечь его парфюма... конечно, Майя поскользнулась. Июль поймал ее под локоть, но на черном капоте все равно отпечаталась пятерня. В общем, сложные у нее отношения с этой машиной. Как и с ее хозяином.

Под его внимательным взглядом она щелкнула ремнем безопасности и поправила на коленях скрипичный футляр. Покосилась на мужские руки на руле. Снег идеально ровной манжеты, золото запонки и часов. И пальцы – те самые, которые...

Мы же не будем говорить о том, что было десять дней назад? Никогда-никогда?

– Что ты хочешь поесть?

– Все, кроме конфет и чизкейков.

А потом был итальянский ресторан, небольшой и уютный. Правда, детали интерьера Майя так и не смогла позже вспомнить. Как и вкус наверняка достойной всяческого восхищения пасты с белыми грибами. Впрочем, Илья тоже не выказывал особо интереса к заказанному салату из горы зелени и тонко порезанных кусков говядины. И кофе на столе стоял нетронутый. А Майя мучительно искала темы для разговора, но почему-то замолкала после пары-тройки предложений. Сева... нет. Сессия – нет. Новый год – это личное. Что говорить? Что?! О чем?! Чтобы ему было интересно. Майе казалось, если не будет говорить, то он решит, что она сидит и думает о... о том, что случилось на темно-шоколадных простынях десять дней назад. Нет, это в самом деле так, но...

– Почему скрипка?

Это был тот вопрос, который вдруг сгладил все. И нашлась тема, и Майя болтала без умолку, и он слушал – слушал внимательно и вдумчиво. О родителях-пианистах. О фортепиано с четырех лет. О крепшей с каждым годом тихой, но упрямой ненависти к этому инструменту, который Майя не любила, не чувствовала, не понимала. О том, как однажды заглянула в класс струнных и смешной лохматый мальчишка дал ей подержать в руках смычок. Так в жизнь Майи вошла скрипка. И был бунт в десятилетнем возрасте. Но она отстояла СВОЕ право на СВОЙ инструмент.

Слова текли сами собой под пристальным взглядом. Все было так... так здорово, если бы не звонки его телефона. Ион отвечал на них. Совсем другим, сухим и ровным голосом – таким, каким разговаривал тогда с Майей, когда они с Севой нанесли визит к нему в офис.

– Мне надо на встречу, – кофе допит, третий по счету звонок завершился лаконичным распоряжением кому-то с непрогнозируемой должностью.

– Да, конечно, – ей оставалось только кивнуть. И проглотить слова о том, что готова каждый день так развлекать его за обедом. Сказать это по-настоящему взрослым и слегка ироничным тоном. Но не получится ведь...

– Куда тебя отвезти?

Вас же там уже очень сильно ждут, Илья Юльевич. Где-то в том месте, в котором серьезные люди решают серьезные вопросы.

– Тебя же ждут, – выдала самую елеиную улыбку, какую смогла. – Я сама прекрасно доберусь. Спасибо за обед – было очень вкусно, – Майя так и не почувствовала вкуса того, что ела, но искренне верила в местную кухню.

– И до метро не надо? – к нему снова вернулся ровный и невозмутимый тон. Та улыбка в машине казалась теперь ненастоящей. Померещившейся.

– Нет.

Лишь кивнул.

Из ресторана вышли вместе. Попрощались друг с другом как вежливые взрослые люди. У него снова зазвонил телефон. Уже отвернувшись и делая первый шаг, Майя услышала спокойный голос и четкие указания кому-то из мира Ильи Юльевича.

Июль исчез.

А к вечеру Майя сдалась. Точнее, сдалась гордость. И сказала: «Звони!»

Только вот что сказать, Майя не знала. Впрочем, как известно, если не знаешь, что сказать, – говори по-французски. Но это справедливо для тех, у кого нет скрипки.

Не давая себе усомниться в правильности принятого решения, набрала выученный наизусть номер. После пятого гудка взяли трубку.

– Слушаю.

Слушай. Слушай, пожалуйста. Это для тебя. Вторая часть третьей оркестровой сюиты Баха.

Майя быстро положила телефон на кровать и взяла в руки скрипку. Вечерними репетициями в их доме никого не удивить. И соседи давно привыкли. Не двенадцать ночи же.

Больше всего она боялась потом услышать короткие гудки... или увидеть информацию о том, что звонок завершен. Но звонок был активным. Там, на другом конце... слушали. Кажется, Майя даже уловила ритм дыхания своего слушателя.

– Спокойной ночи, Июль, – пересохшими от волнения губами. И – отбой.

Теперь у него есть ее номер.

По которому он позвонил только через два дня.

За которые Майя едва не сошла с ума.

– Майка, ты еще не готова?! – Сева упер руки в пояс. – Мы же договаривались!

– Севочка, – в прихожую выглянула мама. – С Новым годом! Проходи, покушай. Горячее только из духовки.

На лице Севки отразился процесс внутренней борьбы.

– Иди уже! – Майя толкнула его в плечо. – У тебя есть пятнадцать минут, пока я собираюсь.

За пятнадцать минут Сева успел умять порцию горячего и салат. А потом они поехали гулять в центр. Красная площадь. Тверская. Где она две недели назад чуть не выронила телефон, когда Июль все-таки позвонил.

– Что делают студенты консерватории в пять вечера?

Звонок застал ее на рождественском базаре на Тверской. И Майя выпалила, не задумываясь и почти задыхаясь от волнения:

– На рождественском базаре выбирают подарки. Тебе купить глиняную свистульку в виде птички?

– Думаешь, это мой максимум как музыканта?

Она не удержалась от смеха. Сева покосился, но ничего не сказал.

– Начинать надо с простых вещей. И потом, знаешь... Представь себе, как удобно вызывать секретаришу свистком!

– Ты так считаешь? – совершенно серьезным тоном.

- Уверена! Но без тебя свистульку выбрать вряд ли получится.
- Она подбирается под рост? – невозмутимо.
- Почти. Тебе нужна свистулька или нет?!

Ему совершенно точно не нужна была глиняная птичка, которая издает, если в нее подуть, звонкие незамысловатые звуки, – Майя была в этом уверена. Но он сказал, что будет через полчаса. Севка, как только узнал, что сюда придет Илья, тут же смылся. Он дал Илье прозвище «Медуз Горгоныч» – утверждал, что под его взглядом все каменеет – и всячески избегал разговоров про Горгоныча и всего, что может быть связано с ним.

Июль приехал. И они гуляли по базару, выбирали свистульку и ели яблоко в карамели. Точнее, ела Майя. Разумеется, извозилась вся – все, что можно есть на ходу и на улице, особенно мороженое, было ее проклятием. Ибо неизменно оказывалось не только во рту, но и везде. И потом в машине Июль оттирал ей щеки влажными салфетками. А она закрыла глаза, упивалась прикосновениями его пальцев к лицу и ждала.

Не дождалась. Ни разу! Ни разу!!! За все встречи после его приезда в консерваторию – ни одного поцелуя. Даже в щеку. Даже на прощание. Те влажные салфетки в машине стали самым интимным, что он позволил себе. Он, мужчина, который... Ее первый мужчина. И теперь вот, после всего, от чего у нее до сих пор при воспоминании алели щеки и ухало куда-то совсем вниз и внутрь сердца, – ни-че-го. Салфетки только. Салфетки!!! Встречи, обеды, машины, свистульки, салфетки. И ни одного поцелуя.

К концу месяца ей стало казаться, что еще чуть-чуть – и она сделает это сама. Потому что уже ничего не понимала. Что он делает? Зачем он это делает?! А поцелуя хотелось смертельно. А может, не только поцелуя.

Но он сделал это первым. Все-таки поцеловал. За три дня до Нового года.

Его машина припаркована у подъезда. И сказаны все слова. И Майя отвернулась, чтобы скрыть разочарование – уже почти до слез разочарование очередным сухим прощанием. Пальцы легли на ручку, и тут его негромкое:

– Май?

Она обернулась. Его лицо вдруг близко. Мягкое, аккуратное, невесомое, как пух, касание губами губ. И она сама тут же превращается в пух – нет тела, только звенящая невесомость. Рот приоткрывается сам собой. Приглашая.

Приглашение игнорируют. Еще одно касание губами – уже щеки. Теплым шепотом на ухо:

– Спокойной ночи, Май.

Если бы он не отстранился в тот момент, она бы его укусила. Правда!

Из «мерседеса» буквально выпала – машина ей мстит за те удары по багажнику, явно! Шла к подъезду, гордо задрав подбородок. И обещая себе клятвенно загадать под бой курантов желание, чтобы он куда-нибудь провалился. Ко всем чертям! Со своим шольским джентльменством, корней которого Майя решительно и тотально не понимала.

А в половину двенадцатого уходящего года она кардинально поменяла свое решение. И потом Июль фигурировал в загаданном желании. Он был, можно сказать, главным объектом того, о чем она просила, зажмурившись и глотая колючее шампанское.

После прогулки по новогоднему и нарядному центру Майя пришла домой ближе к четырем, когда все спали. И сама тоже рухнула в постель. Но перед сном снова перечитала его сообщение.

Он обещал позвонить второго. За неполных два дня наступившего года она выучила его поздравление наизусть. Историю русской музыки бы еще так выучить.

* * *

Ключ легко повернулся в замке, открывая дверь. Илья вошел в квартиру и нажал на выключатель. Прихожая озарилась мягким светом.

Дома было тихо, пусто и совсем не по-новогоднему. Елена Дмитриевна, домработница, которая приходила несколько раз в неделю и вела хозяйство, уехала к дочери и внуку на все выходные. Она возвратится только после Рождества.

В квартире царил идеальный порядок. И совсем не чувствовался праздник. Илья положил на столик ключи, снял пальто, прошел внутрь. После шумного Нового года в доме родителей он был рад тишине собственного жилища.

Это стало уже традицией – устраивать широкие гуляния с множеством гостей, размещенных в маленьких флигелях на территории усадьбы. Партнеры по бизнесу, преуспевающие юристы, нужные люди – круг хороших и важных знакомств. Привычный мир, который оживлял огромную столовую родительского дома. Успешные мужчины, ухоженные женщины, звон бокалов на тонких ножках, устрицы и черная икра на столах, поздравления, легкие беседы о делах и перспективах – по касательной буквально, но с прицелом на будущие более серьезные переговоры. Мать с прямой спиной и бриллиантами на шее.

– Илюша, мальчик мой, – подставила щеку для поцелуя и добавила чуть тише: – Там один из партнеров отца с дочкой приехал. Иди, развлеки девушку. Очень хорошенькая и только что из Лондона.

Она действительно была хорошенькой. Лет двадцать семь. И даже умненькой. И их даже посадили рядом.

Разговор Илья вел на автопилоте, время от времени поглядывая на отца, который улыбался одному из гостей. В последнее время Илья часто думал о том, как много в их общении разговоров про бизнес и как мало – про жизнь. Просто про жизнь.

Ты счастлив, папа? Конечно, у тебя есть мама, которая всегда рядом и поддерживает в любой ситуации. И груз на твоих плечах с годами стал так велик, что голова совсем белая и спина чуть ссутулилась. У тебя большой бизнес, большой дом и большой круг знакомств. Но ты счастлив?

– И я ужаснулась, увидев эту картину в галерее Тейт, – донесся до Ильи голос девушки.

– Вы увлекаетесь искусством? – машинально спросил он.

– История искусств входит в обязательную программу моего образования, – ответила гостья.

Алиса. Дочку партнера звали Алисой.

– Заинтриговали, – Илья сделал знак официанту наполнить бокалы. – Какое же у вас образование?

– О, у меня очень важное и нужное образование. Называется – идеальная жена, – Алиса подцепила с тарелки кусочек стебля спаржи и обмакнула его в сливочный соус.

– Идеальная жена – это профессия? Не знал.

– Конечно, в наше время на это учат, – в ее голосе слышались ирония и нескрываемый цинизм. – Одеться со вкусом, выглядеть ухоженно, иметь хорошее образование, уметь вести вежливую беседу, заполняя ненужные паузы в разговорах, развлекать гостей, сопровождать мужа. Идеальная жена – это профессия.

В это время из-за стола поднялся один из гостей, чтобы громко провозгласить тост, посвященный уходящему году, поэтому Илья мог не отвечать хорошенькой блондинке. Вместо этого он подумал о том, что Дуня совершенно точно не заканчивала подобных курсов и что ей этого не надо.

А красивая дочка партнера улыбалась как с обложки глянца. Ослепительно.

Сообщение Майи, пришедшее именно в этот момент на телефон, показалось чем-то ином. Письмо девочки, искреннее и бесхитростное.

– Так что же вам, Алиса, понравилось больше всего в галерее Тейт? – поинтересовался Илья, отложив телефон.

– Честно говоря, – ответила она, отпив из бокала холодный шипучий брют, – я не люблю живопись. Я просто в ней разбираюсь.

Ясно. А маленькая девочка в Москве любит скрипку. И живет музыкой.

Илья снова взял в руки телефон и набрал ответ Май.

Празднование, как обычно, прошло идеально. В полночь все громко поздравляли друг друга с наступившим Новым годом, потом гремел салют на улице, затем началась музыкальная программа. По традиции, были приглашены профессиональные исполнители. Спать все разошлись ближе к четырем утра. А первого числа, также по традиции, все с удовольствием угощались шашлыками на улице.

И все же, когда гости разъехались, мать не смогла скрыть своего разочарования.

– Она тебе не понравилась, да?

Несложно было догадаться, что речь шла об Алисе.

– Не понравилась.

– Хорошая девочка.

– Хорошая, – согласился Илья. – Для меня даже слишком.

Дома было тихо. Он привез с собой проекты договоров компании отца, в которую вскоре предстояло войти и Илье.

– Никто ничего не должен пронюхать, – сказал отец, вручая папку. – Иначе нам не дадут повернуть эту операцию.

Папка легла на рабочий стол в кабинете. Илья смотрел на нее и думал о том, что надо было уехать в горы. На всю праздничную неделю. В Швейцарию. Или во Францию. Горы. Снег. Лыжи. Вечером – приятная усталость во всем теле, ни о чем не думать. И никого не видеть. Он не заметил, как стал задыхаться. Он задыхался даже в новогоднюю ночь. От теории про идеальных жен. От пустоты вокруг и внутри.

Начать читать документы сейчас или сначала кофе?

Взгляд зацепился за разноцветную глиняную свистульку, которую ему недавно подарила Май. В тот день она с умным видом читала лекцию о том, чем отличались друг от друга стоявшие рядом штук двадцать абсолютно одинаковых на вид свистуллек. Причем сочиняла с таким упоением и азартом, что прервать монолог было совершенно невозможно. А потом выпросила запеченное в карамели большое красное яблоко на тонкой палочке и ела его прямо на улице. Ее ужасная шапка снова сбилась набок, под конец Май перепачкала в карамели руки, шарф и перчатки, и он в машине оттирал влажными салфетками ее холодные, но румяные щеки. И чувствовал в этот момент себя на десять лет старше, чем был на самом деле.

Илья взял поделку и повертел ее в руках, разглядывая яркие аляповатые цветы. Он и сам не знал, зачем продолжал общаться с этой девочкой. Но в ней было столько жизни, столько бравлады и вызова. Искренности. Что все равно звонил. И обещал перезвонить сегодня.

Илья поставил свистульку на стол. На часах – три пополудни. Набрал Май.

Соединилось после первого же гудка.

– Да?

– У тебя сегодня премьера, Май?

– В некотором роде. Если господин из первого ряда соберется. Привет. С наступившим, Июль, – ее голос слегка звенел, словно она его сдерживала. И был очень юным.

– С наступившим, Май, – он присел на угол стола и снова взял свистульку. – Как встретила Новый год?

– Гуляла по Красной площади с Севой. Тебя там видно не было.

– Это ты просто не заглядывала в Мавзолей.

Прошло около двух секунд, прежде чем Илья услышал ответ – громкий, веселый, захлебывающийся смех. Май несколько раз пыталась что-то проговорить, но у нее ничего не получалось – снова срывалась на хохот. Илья слушал, как прерывисто она дышит, пытаясь успокоиться, и поймал себя на том, что тоже улыбается.

– Прости, мы были без цветов, – наконец удалось выговорить Май, после чего они хохотали уже вдвоем.

– Меня не было в городе, – сказал он, когда веселье утихло. – Но сейчас уже в Москве и могу тебя забрать. Куда хочешь поехать?

А она вдруг замолчала. Совсем.

– Май?

– К тебе, – раздался тихий и серьезный ответ.

Теперь молчал он. Думал. Обо всем сразу. О том, что означают ее слова, о том, насколько он готов и насколько готова она, и о том, что Елена Дмитриевна что-то закупала из еды перед Новым годом, но вряд ли это подойдет для домашних девочек из хороших семей.

– Хорошо, – наконец сказал Илья, слыша ее чуть сбившееся дыхание в трубке. – Откуда тебя взять?

– Я дома, – голос Майи снова прозвучал звонко, и он подумал, что, наверное, эта звонкость проявляется, когда она волнуется. – Можешь туда подъехать?

Смелая маленькая Май. Революционерка.

– Да.

* * *

Никак не могла сообразить, что надеть. Хотелось юбку, но не имелось подходящей обуви. Юбка с желтыми ботинками будет смотреться нелепо. Значит, джинсы. К ним – что?

Опять хотелось что-то нежное, женственное. Ага, вот ту самую кремовую блузку в цветочек. Вообще зашибись.

Звонок телефона поставил финальную точку в ее мучениях. Вот эта, полосатая. Главное, что чистая.

Да и кто обратит внимание, какая на ней блузка? Если цель встречи – иное. Впрочем, простые голубые слипы этой цели тоже мало соответствовали, но альтернативы не было – поэтому...

Дверь квартиры шелкнула замком особенно громко.

А вот пассажирская «мерседеса» открылась бесшумно.

– Здравствуй, Июль.

* * *

Он второй раз за день открыл квартиру и зажег свет в прихожей. Май поставила небольшой бумажный пакет на полку, начала раздеваться. Как и в прошлый раз, он протянул руку. Теперь Илье вручили пуховик. Его гостя была в джинсах и полосатой блузке, совсем девчачьей. Она снова взяла пакет и ожидающе застыла в коридоре.

Май нервничала. Он это чувствовал. Повел ее в гостиную. Девушка остановилась посреди комнаты. Илья повернулся к ней. Она протянула яркий бумажный пакет со словами:

– Твой подарок. От Мая Июлю. В январе.

Внутри оказался большой новогодний шар. Красный. Бархатный. С маленькими золотистыми кистями.

– А я как раз сегодня подумал, что у меня совсем не новогодняя квартира, – сказал Илья, держа шар. – Ну что же, есть шанс все исправить. Спасибо, Май, – и протянул ей новогоднее украшение. Я сейчас принесу шампанское, а ты придумай, куда его можно повесить.

Она придумала. Когда Илья возвратился с бутылкой, парой фужеров и конфетами, шар нашел пристанище на фигурке носорога из черного дерева. Прямо так и свисал с круто загнутого рога, поблескивая кистями. Что там Илье недавно говорили про современное искусство в галерее Тейт?

Май стояла около кресла в углу и олицетворяла собой невинность, хотя уголки губ предательски подрагивали, выдавая, что она пребывает в восторге от собственной шалости.

– Неплохо, – оценивающе заметил Илья, после чего открыл шампанское и разлил его по узким высоким бокалам.

Он видел, что это шампанское, сухое, ей непривычно. И Май пьет крошечными глоточками, заедая совсем несладкий вкус напитка шоколадными конфетами.

Она еще не доросла до брюта. А он мог бы догадаться купить по дороге Asti.

– У меня для тебя тоже есть подарок.

Май оторвалась от конфет. Илья отодвинул ящик консоли и вынул белый пакет известной брендовой марки.

– С Новым годом.

Вопль, который издала Майя, говорил о том, что с подарком он угадал. В руках девушки была розовая шапка с двумя черными меховыми помпонами, имитирующими уши, а между ними – черный же маленький бантик. Нечто совершенно хулиганское.

Май в комнате уже не было – она убежала примерять подарок и вскоре вернулась с шапкой на голове и блестящими счастливыми глазами.

– Мне идет? – спросила она, принимая позу фотомодели.

– Очень, – кивнул Илья, – жаль только, что там не было с рожками чертенка.

Они смотрели друг на друга и улыбались.

А потом Май подошла и сказала: «Спасибо». И вдруг оробела. И спрятала глаза. Он видел перед собой только два пушистых помпона, маленький бантик и рассыпавшиеся по плечам спутанные волосы.

Илья коснулся пальцами ее опущенного лица и заставил поднять голову – посмотреть на него.

– Май...

– Поцелуй меня, как... тогда...

Все же она отчаянная. Испуганная и отчаянная одновременно. На лице Майи он ясно читал отражение охватившего ее смутения. И боязни услышать отказ.

Илья наклонился и поцеловал. По-настоящему. Раскрывая ее губы своими. Касаясь языком кончика ее языка. Он почувствовал, как тонкие руки обняли его за шею, и прижал это чудо к себе. Маленькую Май, пахнущую весной и свежестью. Сначала она старательно отвечала, и Илья подумал, что девочка, наверное, достаточно целовалась с мальчиками. Неудивительно, что он тогда не понял про ее невинность. А потом старательная ученица исчезла, и он перестал думать, лаская мягкие податливые губы, наслаждаясь этой лаской и чувствуя под своими руками чуть подрагивавшее юное тело.

Руки она так и не расцепила. Когда Илья закончил поцелуй, Май просто опустила голову, но была так же близко. Шапка упала на пол, и он видел густые локоны на ее макушке, собранные пластмассовой заколкой.

– Тебе не понравилось со мной? – тихо спросила она. – Я для тебя слишком... неопытная, да?

Илья молча гладил ее волосы, чувствуя, как неумело, но тесно Май прижимается к нему всем своим телом, как дрожат ее плечи и все ниже опускается голова. И тогда он задал главный вопрос, который до сих пор не давал покоя:

– Ты этого хотела? В тот день?

– Если бы не хотела, я бы не...

И не договорила. И он понял, что вся ее отчаянность и смелость закончились. И что сейчас он может сделать ей очень-очень больно. И что он этого не сделает.

Его губы скользнули по ее макушке, а потом Илья подхватил Май на руки и понес в спальню.

Когда он опустил девушку на кровать, увидел широко раскрытые глаза, точь-в-точь такие же, как в тот вечер. Чистые.

Девочка... девочка лежала перед ним, неловко расстегивая маленькие пуговицы на блузке, и желала стать женщиной. Он положил свою ладонь на ее пальцы, прекращая борьбу с одеждой, и тихо сказал:

– Я все сделаю сам.

Сначала она смотрела. На то, как осторожно и медленно он ее раздевал, как раздевался сам, потом просто на него, потом на его руки на своем теле. А потом закрыла глаза. И постепенно Илья почувствовал, что Майя наконец расслабилась. Но все равно не торопился, долго гладил ее тело, заставляя его разомлеть до конца, и только после этого начал ласкать. Бережно. Аккуратно. Неторопливо. У Май была совсем небольшая девичья грудь с яркой ареолой и темными сосками. И узкие бедра, которым еще только предстояло принять более плавные очертания. И тонкая талия с упругой кожей на животе. Он провел рукой по животу и почувствовал, как Майя вздрогнула, а потом чуть приподнялась навстречу этому прикосновению. Начала откликаться. Теперь можно пробуждать ее послушное тело. Илья не знал, кем чувствовал себя в тот момент – любовником или ваятелем, он знал только, что это ее первый раз. Настоящий первый раз. И то, как это будет, как случится, – важно не только сейчас, но и в будущем. Ему хотелось стереть тот декабрьский вечер и переписать все заново. И он старательно стирал. Губами. Руками. Прикосновениями. Переписывал. Исправлял. Целовал покорные губы, ласкал маленькую нетронутую грудь, живот, видел, как подрагивает ее пупок, когда Май вбирала в себя воздух и задерживала дыхание. Она отвечала. Тихо, едва уловимо. Но он слышал. И видел. И чувствовал. По дыханию. Легкому нетерпению. Приглушенному вздоху.

Май была готова принять его. Но Илья все равно тянул, ждал, когда желание станет непреодолимо сильным – захлестнет, сделает ее беспокойной, жаждущей, требовательной. Он будил в Май чувственность, рождая женщину. И когда наконец она, совсем забывшись, вцепилась пальцами в простынь и выгнулась навстречу, он вошел.

– Божечки... – выдохнули ему в шею, обняв за плечи.

Илья никогда ни у кого не был первым. Та, с которой он стал мужчиной, была старше и опытнее. Потом не раз опытнее был он. Но первым – никогда. А сейчас он вел за собой девочку, открывая перед ней самые разные оттенки наслаждения, рассказывая о том, какой бывает близость между мужчиной и женщиной и что это такое – заниматься любовью. Илья довел ее до конца, почувствовав, как сначала задрожало, а потом расслабилось тело Май. После чего закончил сам.

Ему очень хотелось устроиться рядом, лечь на спину, отдышаться и прийти в себя. Но не лег. Он ждал. Он вглядывался в лицо Май, желая увидеть рождение женщины. И увидел.

Она медленно подняла веки, словно проснулась. Глаза затянуты легкой поволокой. В них было удивление, истома, ошеломление и... знание. Майя обвела взглядом комнату, Илью и улыбнулась. Он даже не понял, увидела она его или нет. На ее губах неосознанная улыбка – направленная не на кого-то, а внутрь себя.

Это было потрясающе. Илья осторожно убрал с ее лба влажную прядь волос и, прежде чем коснуться чудесной улыбки губами, сам не зная почему, прошептал:

– Здравствуй, Май.

* * *

Она подняла руку к лицу и озадаченно уставилась на пальцы. Майя, конечно, еще не вполне пришла в себя после... после. Но помнила, что гель для душа пока не снимала со стеклянной полочки. Однако, скользнув ладонью по животу, почувствовала на коже что-то похожее. Поднесла пальцы к глазам. И по консистенции схоже – светлое, с перламутровым оттенком.

Осознание пришло мгновенно. Понимание – яркое, вспышкой. И сразу, обратной перемоткой – еще и на первый раз тоже. Майя видела ролики социальной рекламы на тему безопасности интимных отношений. Она знала, что есть специальные изделия. Но только сейчас, стоя в чужой ванной и глядя на перламутровые переливы на пальцах, поняла, что вспомнила она об этом непозволительно поздно. А он – не забыл. Но вышло... вот так.

Собственные пальцы завораживали. Не было отвращения. Неприятия. Паники. Какое-то неумное любопытство – бесстыдное. Ощущение открытия всех тайн бытия разом.

Она далеко не сразу решилась включить воду и все-таки смыть с себя эти интимные последствия близости.

Когда, приняв душ, вышла из ванной комнаты, он был еще в спальне. И Майя споткнулась на пороге.

Она боялась увидеть пустую постель. И что он снова курит на балконе. Но Июль лежал среди шоколадного атласа и выглядел на нем так, что она почему-то принялась подтягивать выше полотенце. Но шла вперед, потому что его взгляд притягивал. И шла к нему через незапную робость, которая исчезла, когда Майя присела на краешек кровати, не сводя с него взгляда.

Как и в прошлый раз, они потянулись друг к другу одновременно. Мягкий поцелуй, вернувший ей уверенность. И вопрос:

– Хочешь поужинать?

– Очень хочу.

Она не узнала свой голос, когда отвечала: он стал каким-то другим. А потом и вовсе голоса лишилась – когда Илья встал. Спокойный и нагой. И так же спокойно принялся одеваться, повернувшись спиной.

Словно она снова в ванной. И то самое неумное и бесстыдное любопытство. Глаза отве-сти, может, и надо, но невозможно. На каком-то интуитивном... может быть, не далее как пол-часа назад открывшемся уровне Майя понимает – она видит перед собой тело в самом расцвете зрелой мужественности. Все, что полагается, и ничего лишнего. Она все-таки зажмурилась – не потому что стыдно, а потому что снова жарко. И хочется скинуть полотенце.

Она открыла глаза, когда Илья обернулся. Джинсы, футболка – обычная одежда. Волосы взлохмачены. Нет, не Илья. Июль. Июль, от которого сладко, остро и жарко в груди.

– Я пойду посмотрю, что есть в холодильнике.

Он ушел. А вот Майя поняла внезапно и четко, что она – не уйдет. Просто не сможет сейчас от него уйти. И через час не сможет. И через два.

Она столько еще не рассмотрела. Она столько еще не попробовала. И не из холодильника, нет.

Решение было принято. Осталось придумать, как его реализовать. И с этим заминки не случилось. Через две минуты, спринтерски одевшись и прикрыв дверь спальни, Майя звонила

маме. Чтобы сказать, что останется ночевать у Ани в общежитии – будут вдвоем готовиться к экзамену.

Ей поверили без тени сомнений: Майя никогда не злоупотребляла доверием родителей и, как хорошая девочка, всегда приходила домой на ночь. А сейчас соврала без малейших угрызений совести. Ей надо здесь остаться. Просто необходимо.

Кухню Майя нашла по звуку. Чуткий слух музыканта уловил, что некто в глубине квартиры барабанил пальцами по чему-то твердому. Этим «некто» оказался, конечно, Июль, разглядывающий внутренности огромного холодильника. Майя не дала себе времени на «подумать» и «усомниться». Демонстративно положила на стол свой смартфон и устроилась на мягкий бежевый стул.

– Мне только что мама звонила. Они уехали на дачу к друзьям куда-то в район Раменского. До завтра. А я ключи не взяла от дома, представляешь? – Илья так и стоял у раскрытой дверцы. Холодильник протестующе запищал, предупреждая. Словно бы о ее вранье. Отступать Майя не собиралась, но закончила фразу негромко: – Я могу, конечно, поехать ночевать к Ане в общежитие. А могу... остаться... с тобой.

И глаза все-таки опустила, уперла в столешницу. Не могла врать вот так, глядя в лицо. Не ему.

– Есть колбаса, икра, виноград и сыр.

Именно это она и хотела услышать, угу.

– Давай икру, чего уж. Гулять – так гулять, – голос, несмотря на старания, прозвучал уныло. Майя зачем-то подвинула лежащий на белой глянцевой поверхности стола телефон. Рядом с которым поставили как раз и виноград, и сыр. И все остальное.

– Я сделаю так, как ты хочешь, – донеслось сверху. – Могу отвезти тебя к подруге. Или ты можешь остаться здесь, – едва уловимая пауза. – Со мной.

Не думая, что делает, она, не вставая со стула, обхватила его за поясницу и прижалась щекой к ткани белой футболки. И проговорила в нее:

– Хочу с тобой... остаться.

А потом они пили шампанское – на вкус Майи, оно теплое было не хуже и не лучше холодного. Просто безвкусное. И она делала тарталетки с икрой – при всем ее кухонном неумении, сервировать стол дома доверяли именно Майе. Уж что-что, а красиво колбасу и сыр на тарелке разложить могла. Черная икра – продукт для их семьи невиданный, но и тут оказалось ничего сложного.

Странно, но все эти продукты вместе неплохо сочетались. И даже теплое шампанское, в котором Майя после второго бокала стала даже находить какое-то удовольствие, теперь пришлось ко двору. А может быть, ко второму бокалу она опьянела.

Но самым пьянящим оказалось целоваться после этого, забравшись к Илье на колени. И оказаться потом снова в постели. И в этот раз спиной на темно-шоколадных простынях лежал Июль. Он позволил ей знакомиться со своим телом – как до этого интимно знакомился с ее. И теплое шампанское внутри убеждало не думать ни о чем, а трогать – если разрешают.

И она трогала.

И никогда, никогда и никому, даже ему, она не сознается в том, о чем думала в те минуты. Что ей казалось.

А он казался ей огромной скрипкой. И сейчас она изучала все ее... детали. Выпуклости. Выемки. Верхняя дека – нет, не гладкая, ладонь приятно щекочет. Нижняя... твердых пород дерева, как положено.

Но больше всего ее интересовала колковая коробка. Что и как нужно тронуть – пока неуверенно и осторожно – чтобы настроить. Чтобы его дыхание зазвучало иначе. Тем волшебным и тяжелым ритмом. Переливами золотого света в полуденной лазури.

– Май... – восхитительно низкой, сводящей с ума контроктавой. – Все, хватит. Я не железный.

И теперь она на спине. Не железный, нет. Твердая живая теплая сталь.

Когда нечто удивительное с тобой случается в первый раз, ты назовешь это чудом. А когда это чудо спустя пару часов повторяется – то слов ты уже подобрать не можешь. И просто наслаждаешься.

После, совсем после, уже даже после душа она, подкатившись под бок, обхватила его руками и ногами, как ребенок – мягкую игрушку. И, поскольку теперь уже горло не перехватывало, как недавно, прошептала:

– Июль. Жаркое солнце в зените. И не спорь со мной.

Он не стал спорить. Твердые губы легко скользнули: щека, висок, по волосам.

И ворочаться тоже не стал, давая себя обнимать. И про господина без сердца не сказал.

Поэтому заснула Майя счастливой.

Сказка длилась ровно день. А потом Майю вернули в отчий дом со словами: «У тебя сессия, ты должна готовиться». Вопиющая несправедливость! Но Июль был, конечно, прав. Сессия. И надо готовиться.

К тому же хорошая девочка Майя была прилежной ученицей. Старательной и почти отличницей. Но в эту сессию все было иначе. Зубрежка давалась с огромным трудом, потому что мысли норовили уползти совсем в другом направлении. Зато инструмент в руках задышал вдруг иначе. Что-то открылось – в Майе, в скрипке, в них обеих. И они вдвоем звучали по-другому. Это слышала сама Майя. Это услышала ее педагог по специальности. А Севка, который, разумеется, явился и на ее экзамен тоже – будто мало ему своего контрабаса, – Севка сидел в конце даже с открытым ртом.

Потом, уже после экзамена, за дверью, выдохнул только:

– Ну ты выдала, Майка...

А затем вдруг неуклюже обнял прямо посередине холла. И если кто-то думает, что музыканты тонкие и субтильные ребята, попробуйте пообниматься с контрабасистом. Контрабас – для справки – пятнадцать килограммов. И это без футляра.

Проходящий мимо Влад с кафедры Штольца остановился и иронично заплодировал.

– Поздравляю! Когда свадьба? Позовете?

Сева неловко отпустил девушку и отступил. А Майя вздохнула и наморщила лоб. Влад был сыном какого-то колбасного магната, считал себя первой скрипкой курса и отчаянным сердцеедом. И до недавнего времени Майя полагала, что он здорово целуется. Впрочем, пробовала она тогда из спортивного интереса – как это, все девочки в курсе, как целуется Влад, а она нет? Да ничего особенного, теперь знала точно. А он тогда за ней неделю ходил, добиваясь второго свидания, – потом сообразил, что ему по статусу не положено за кем-то ходить.

Конфликты Майя ужасно не любила и поэтому примирительно улыбнулась:

– Ты здорово играл, Влад. Впрочем, как обычно.

– Разумеется, Маечка. У тебя в этот раз тоже все неплохо, да?

– Она тебя переиграла, – упрямо взглянув исподлобья, буркнул Сева. – В этот раз Майя тебя переиграла. И ты это знаешь. Это все поняли.

Влад рассмеялся – громко, напоказ.

– Не лез бы ты в дела скрипачей, контрабас.

Севка только фыркнул, а Влад поморщился. К огорчению скрипача, Всеволод Шпельский был уникалом и разбирался не только в контрабасе. И на скрипке мог сыграть лучше некоторых специалистов по данному инструменту. И на альте, и на виолончели.

– Сева, пошли в буфет, вдарим по пирожному в честь экзамена! – Майя схватила друга за руку и уже на ходу кивнула Владу: – Пока!

По дороге к ним присоединилась Аня. Севка насупился и принялся ругать с удвоенной силой «колбасного» сынка. Со свиданием у Всеволода с Аней что-то не заладилось – ответа Майя не добились ни от одного, ни от другой. Поэтому Аня тоже упорно делала вид, что Севы здесь нет, и принялась в очередной раз допрашивать подругу про «тот мерседес». А Майя привычно принялась сочинять, что играла по приглашению на открытии офиса, и все, с тех пор с владельцем машины не виделась. Ведь и в самом деле черный «мерседес» за ней к консерватории больше не приезжал. Забирал ее Июль либо от родителей, либо они пересекались где-то в центре.

Севка почувствовал, что Анька принялась за допрос всерьез, и пришел на помощь: принес себя в жертву и великодушно поинтересовался у Ани впечатлениями от экзамена. Несмотря на то, что Севка дал Илье прозвище «Горгоныч» и исчезал при первом упоминании о его возможном появлении, он, как настоящий друг, помогал Майе хранить тайну.

А Июль был ее тайной. Не постыдной, а потому что ни с кем не хотела делить.

Уже в буфете, под бурный спор Севы и Ани, вприкуску с медовым пирожным, Майя набрала сообщение:

Май: Пятерка!

Через три минуты пришел ответ:

Июль: Заберу тебя в шесть.

Это был их ритуал. Они встречались только в дни экзаменов. Встреча длилась ровно столько часов, сколько получено баллов на экзамене. Ни разу встреча не длилась менее пяти часов. Но и этого ей было катастрофически мало. Мало на ужины. На атласные неизменно темно-шоколадные простыни. На разговоры – ее рассказы про музыку и его – про города. На ее Вивальди – его Венеция, на ее Моцарта – его Зальцбург, на Баха – старинная церковь с органом, на Штрауса – венское кафе с изумительными десертами. А еще были разговоры о кино и книгах. Июль – и Хичкок, кто бы мог подумать. И мемуары Черчилля. Слушала затаив дыхание, не перебивая, боясь, что замолчит, снова закроется. И отчаянно надеялась, что интересно и мало не только ей.

Мотивация к учебе «по Июлю» принесла свои плоды в виде полной зачетки пятерок. И вот уже сдан последний экзамен, и Майе по этому поводу родители подарили новое пальто взамен испорченного. И завтра они встречаются с Июлем – очень долгожданно встречаются. А впереди каникулы, и это значит...

– Майя, я бы хотела с тобой поговорить.

– Да, мама, конечно.

А потом Майе оставалось только удивляться. Что, оказывается, родители поняли, что у их дочери появился постоянный молодой человек. Ее рассеянность, мечтательность, поздние возвращения домой не остались незамеченными. И новая шапка. Следовательно, Майя должна его привести в дом и представить папе с мамой.

Майя, он на чем играет? Из какой семьи? Где учится?

Самое смешное, что ни на один из вопросов у Майи не было ответа. Но перспектива познакомить Июля с родителями вдруг показалась неожиданно привлекательной. Да, точно. Это может быть очень... очень забавным. Не все же ему ситуацию контролировать.

Нет, это надо обязательно проверить! Весело же будет! Он, конечно, добром не придет, но это можно обойти.

Если Майя принимала решение, то с реализацией его не тянула. Завтра двадцать пятое января, день святой Татьяны, когда все студенты пьяны. Отличный повод!

- Мама, я приглашу Илью на завтра, хорошо?
- Илюша? Какое чудесное имя у мальчика! – восхитилась мама. – Так на чем он играет?
- Он тебе завтра все сам расскажет, – пообещала Майя.

* * *

– Останови, пожалуйста, около вон того магазина. Мне надо домой кое-что купить из продуктов. Я быстро!

Это было нечто новое. Май никогда не просила притормозить у продуктовых. Хотя, в общем-то, просьба вполне нормальная. Родители могли попросить ее купить хлеба и молока. Илья припарковался.

– Я быстро, – пообещала Май перед тем, как хлопнуть дверцей.

Она сегодня с самого момента их встречи у Чистых Прудов была веселая и возбужденная. Что ей потребовалось на Прудах – не отвечала, ссылаясь на попытки найти следы булгаковской Маргариты. Дальше Илья расспрашивать не стал. У Май праздник – День студента, день завершения зимней сессии. У него в голове – работа, проблемы с покупкой акций и завтрашняя командировка в Питер. Там встреча с человеком, на чье имя покупаются акции. Человек стал недоволен вознаграждением за оказываемую услугу.

А за стеклом автомобиля – темно и снегопад. На дороге – столпотворение сигналящих машин. И хочется спать. Надо только Май предупредить о командировке.

А Май задерживалась. Когда же она возникла перед машиной, Илья здорово удивился. В руках у нее был огромный, заполненный доверху пакет и еще несколько упаковок яиц. Майя еле шла – настолько тяжелы были покупки.

Илья вышел из машины, забрал у девушки пакет и положил его в багажник. Май устроилась на переднем сиденье вместе с яйцами, держа их на коленях, как ценный трофей.

– И все это тебе сказали купить по дороге домой? – поинтересовался Илья, садясь за руль.

– Да! – последовал твердый ответ.

– А зачем вам столько... яиц? – спросил он, когда машина тронулась с места.

– У маминого баса пропал голос! А яйца очень полезны для голоса. Ты что, «Веселые ребята» не смотрел? Это же классика.

– У мамы бас? – уточнил Илья. – Мне всегда казалось, что это мужской голос.

– Твои познания в музыке впечатляют, – хмыкнула Май. – Вот что глиняная свистулька с человеком делает. У мамы бас, да. Мама отдельно, бас отдельно. Она концертмейстер у баса.

Он понимающе кивнул и снова подумал о том, что надо сказать про поездку в Питер. Но в этот момент из-за поворота прямо перед «мерседесом» выехала машина, Илья едва успел притормозить, чтобы избежать аварии, после чего уже до самого дома Май внимательно следил за дорогой.

А когда он вынимал из багажника пакет, она спросила:

– Поможешь?

– Конечно.

Май широко улыбнулась и побежала с яйцами в обнимку к подъезду – открывать дверь. Илья вошел, а она помчалась дальше. И если спросить, какой этаж, – то придется кричать на весь лестничный пролет старенькой хрущевки. Впрочем, на третьем этаже был конец пути – гостеприимно распахнутая входная дверь, Май с яйцами у порога, а в коридоре – ее родители. Весьма почтенные люди, начавшие свое приветствие бодрыми голосами:

– Ну, здравствуйте... – и молчание.

Обоюдное. Илья рассматривал стоявшую перед ним немолодую пару, явно ожидавшую гостей. Он – в брюках, пуловере, рубашке и галстук. Она – в строгом темном платье с кружевным воротником. По дому так не ходят.

– Здравствуйте... молодой человек, – окончание приветствия прозвучало не очень уверенно.

Илья почувствовал себя идиотом, стоя на лестничной площадке с продуктовым пакетом в руках. Особенно после того как женщина – мама Майи – всплеснула руками и заговорила:

– Проходите, стол уже накрыт.

И тогда он повернулся к Май, безмолвно ее спрашивая: «Что это такое?»

Она лучезарно улыбнулась в ответ и произнесла:

– Добро пожаловать, Июль. В смысле, Илья. А это мои родители.

Он перевел взгляд с Майи на родителей. Оба давно перешли порог зрелости. Обоим было явно за шестьдесят. Илья понял, что Май – поздний ребенок.

Все ждали. Больше всего сейчас хотелось оставить у порога покупки, развернуться и уйти, чтобы не участвовать в этом фарсе. Но, кажется, пожилая пара тоже оказалась не совсем готова к встрече. Прodelка Май слишком... перешла границы.

Илья все-таки поставил на пол пакет. Но не со стороны лестничной клетки, а переступив порог квартиры. И сказал:

– Добрый вечер.

Отец Майи немного пришел в себя. Он явно ожидал увидеть кого-то другого. Протянул руку:

– Добро пожаловать, Илья?...

– Юльевич, – он снял пальто и протянул его Май. – Но лучше просто Илья.

– Ну, проходите, проходите, что же вы стоите на пороге. Майя, сопровождай гостя, – забеспокоилась мама, сама же провожая Илью в гостиную.

Он никогда не видел таких комнат. В ней почти не существовало свободного пространства. Каждый сантиметр площади был чем-то занят. Сначала Илье показалось, что он попал на склад. Впрочем, довольно милый.

В гостиной, конечно, стояло пианино, вдоль стен – старые шкафы, до отказа заполненные книгами, на столике в углу – старый проигрыватель и около него – гора пластинок. На всех поверхностях – ноты, в свободных простенках – фото в рамках, посреди комнаты – круглый стол с кружевной скатертью. А над ним – большой абажур.

В кино он такое видел. В жизни – нет.

– Проходите, – продолжала приглашать гостя мама.

Но проходить было просто некуда. А папа уже каким-то мистическим образом находился в комнате и открывал бутылку с вином.

Уставленный хрустальными салатницами стол ясно говорил, что Илью ждали. Жаль только, что его самого забыли об этом предупредить. Май откровенно забавлялась ситуацией, усевшись в кресло. Она находила все это смешным?

– Илюша, пожалуйста к столу, – мягко проговорила мама, показывая рукой на стул.

Он сел. И молчал, наблюдая, как женщина в платье с кружевным воротником торжественно водружала в центр стола блюдо с тушеным мясом.

– Маечка, поухаживай за гостем, – дала она команду после того, как села рядом с мужем. – Илюша, что вы любите? Вот, смотрите, «мимоза», «оливье». Селедочка под шубой.

Май разместились рядом с Илеей и безмятежно поинтересовались:

– Что тебе положить? «Мимоза» у мамы исключительная.

– А мимоза – это что?

– Вот сейчас и узнаешь, – на тарелке перед ним оказалась горка салата.

Пока Илья задумчиво размышлял, какие ингредиенты входят в его состав, бокалы наполнились вином, папа поднялся из-за стола и поправил очки. Он очень хотел выглядеть важным и невозмутимым, однако выходка Май все же не давала в полной мере обрести почву под ногами.

– Ну, за успешную сдачу Майей сессии. И за нашу встречу... Я – Михаил Львович, – запоздало представился он.

Бокалы встретились, отозвались звоном и пригубились. Илья сделал маленький глоток. Вино было крепленным и недорогим. Он такое не пил. Он вообще не пил крепленные вина. Тем более что они в большинстве своем десертные и подаются, как правило, после окончания трапезы. В качестве «разбавить неспешный разговор согревающим глотком». И уж никак не подходят для сопровождения ужина. Но обижать хозяев было нельзя.

Взял в руки вилку, столовый нож и начал знакомиться с мимозой.

– Я так понимаю, вы, Илья, не играете? – начал разговор Михаил Львович.

– Ну почему же, – ответил гость негромко, – осваиваю один музыкальный инструмент.

Рядом послышалось хихиканье Май.

– И какой же?

– Глиняную свистульку. Знаете, подарили буквально недавно. Сказали, это первый шаг к скрипке и полезная вещь в ведении бизнеса.

Папа очень выразительно глянул на дочь. Май уткнулась взглядом в тарелку, но Илья видел, как подрагивают ее плечи.

– А вы знаете, Илюша, что Маечку мы назвали в честь Майи Плисецкой? – мама явно спасала положение вещей, ибо отец растерялся вконец.

– Правда? – Илья поднял голову от тарелки.

Майя положила ему кусок мяса. Однако нож оказался тупым, и преимущество пока было на стороне неразрезаемого мяса.

– Да. Ее «Умирующий лебедь» меня поразил. Она гениальна.

– Майя гениальна, да, – согласился Илья.

– Плисецкая? – моргнула мама.

– И Плисецкая тоже, – снова согласился Илья.

Михаил Львович издал непонятный звук и поправил очки.

– Маечка, а зачем ты столько яиц принесла? И картошку? – мама обратилась к дочери, а потом повернулась и снова посмотрела на гостя. – Или, Илюша, это вы себе домой покупали?

– Попробуй, очень вкусно, – бодро провозгласила Май и бухнула в тарелку Ильи кусок буженины.

Кстати, ее разрезать было легко даже тупым ножом.

– Решил сделать подарок Майе, – ответил Илья. – В честь окончания сессии. Знаете, после сдачи экзаменов надо обязательно витаминов. Там в сумке апельсинов не было?

Хозяйка дома растерянно произнесла:

– Не помню... Может быть, мне показалось...

– Майя, там апельсины есть? – поинтересовался Илья у девушки и сделал глоток крепленого вина с таким видом, будто это было итальянское Бароло¹⁰.

– Есть, – ответила она тихо. И уже не так весело.

– Витамин С очень полезен зимой, да и просто для восстановления сил, – так же тихо проговорил он.

– А чем вы еще интересуетесь, Илья... кроме свистулек? – папа все еще надеялся развить тему музыки и увлечений.

– Вас интересует профессия? Хобби? Личная жизнь? – получилось слишком официально и холодно, но от недорогого вина начинала болеть голова. Или не от вина, а от усталости?

---

¹⁰ Бароло – итальянское вино, производимое на севере Италии, в Пьемонте. (Высшая категория в классификации итальянских вин.)

– Ну, личная жизнь – она на то и личная, чтобы не обсуждать ее. А хобби и работа – если позволите... было бы интересно, – Михаил Львович умиротворенно сложил руки на животе, приготовившись стать благодарным слушателем.

– Я работаю в строительном бизнесе. Строю дома, гостиницы, торговые центры. И работа занимает, пожалуй, большую часть жизни, поэтому говорить о каком-то серьезном хобби... не получается. Люблю кино. Наверное, горы зимой, море летом и хорошую книгу. Но на книгу, увы, в последнее время времени нет. Прошу прощения за каламбур.

Родители Майи некоторое время сидели безмолвно. Илья почувствовал, что они хотят что-то ответить, что-то хорошее и соответствующее, но не знают – что. Слишком разные и непересекающиеся орбиты.

– Удивительно, – наконец медленно произнес папа, – как при таком ритме жизни вы еще находите время на... освоение народных инструментов.

И подлил вина. Себе и гостю. После чего задумчиво посмотрел на дочь.

– Зато Юю... Илья очень тонкий слушатель музыки, – решила поддержать беседу Май.

Тут все встрепенулись.

– Какую музыку вы любите? – вопрос не заставил себя ждать.

– Разную, в зависимости от настроения, – он отвечал, думая о том, что телефон остался в кармане пальто и там наверняка прошло много звонков, ведь завтра утром он улетает. Еще не все вопросы решены, в офисе сидит целое подразделение, работая над проектом. – А можно задать встречный вопрос? Для вас существует только классическая музыка? Или эстрада, рок и рок-н-ролл имеют место быть?

– Я работаю в оркестре киностудии «Мосфильм», – Илья видел, как руки музыканта важно расправили галстук, – какую только музыку мы не записывали, знаете ли. И рок, и эстраду, и джаз. Вот последняя работа... – и тут Михаил Львович принялся пространно рассказывать о любимом деле.

Женщины поднялись со своих мест, стали убирать со стола – готовиться к вечернему чаепитию.

Пару раз, возвращаясь в комнату за очередной салатницей, Май несмело искала взгляд Илья, пыталась примирительно дотронуться. Она почувствовала его недовольство. Один раз Илья все же поднял глаза, но Май тут же отвела свои – она не выдержала взгляда.

Воспользовавшись отсутствием дам, Михаил Львович прервал свой монолог и замолчал, а потом вдруг заговорил уже другим, более тихим и неуверенным голосом:

– Я понимаю... догадываюсь, что, кажется, наша встреча стала для вас неожиданностью, Илья. Да и мы с супругой, что скрывать, тоже несколько... удивлены... выбором Маечки. Но вы же взрослый человек и должны понимать, что я не могу не задать вопрос, – он стал крутить в руках ножку бокала, – о ваших намерениях относительно нашей дочери.

Илья молчал. И тоже начал крутить фужер. Он отлично понимал этого очень немолодого человека. Его чувства, его растерянность. Майя не подготовила родителей к такому спутнику. Наверняка они ожидали увидеть кого-то похожего на контрабаса Севу. И еще Илье нравились родители Май. Даже при условии, что орбиты были непересекающимися совершенно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.